

ПРОБЛЕМЫ БЕЗУМНО БОГАТЫХ АЗИАТОВ

РОМАН

КЕВИН КВАН

Образ жизни богатых и знаменитых —
в китайском стиле.

THE HOUSTON CHRONICLE

Кевин Кван
Проблемы безумно
богатых азиатов
Серия «Безумно богатые
азиаты», книга 3

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60811096

Проблемы безумно богатых азиатов: Иностранка, Азбука-Аттикус;

М.; 2020

ISBN 978-5-389-18742-9

Аннотация

Умопомрачительное состояние и вправду может свести с ума! А знаете почему? Потому что у кого-то другого денег еще больше, чем у вас, и этот кто-то мимоходом лишит вас такой привилегии, как любимый столик в эксклюзивном ресторане или экстренный вызов личного – лучшего в мире! – врача. Но что удивительно – находятся люди, которых не волнуют подобные проблемы! Например, Ник Янг, потомок известного рода и наследник грандиозного имения в центре Сингапура. Чудак из-за женитьбы на своей избраннице отказался от богатства и навеки поссорился с любимой бабушкой, могущественной Шан Суи, которая мечтала оставить ему бесценное недвижимое имущество, но, по слухам,

переписала завещание. И вот древняя Шан Суи лежит при смерти, а внука, приехавшего помириться с бабушкой перед ее кончиной, даже не пускают на порог. Вокруг лакомого куска роятся вероятные наследники и плетутся немыслимые интриги. Кому же достанется великолепное поместье, будоражащее умы самых богатых людей Азии? «Проблемы безумно богатых азиатов» завершают трилогию, начатую романом «Безумно богатые азиаты». Права на экранизацию этой книги купила Нина Джейкобсон – продюсер «Голодных игр», и фильм «Безумно богатые азиаты» (режиссер Джон Чу, в главных ролях Констанс Ву и Генри Голдинг) стал в 2018 году одним из лидеров кинопроката, и уже снимаются продолжения. *Впервые на русском!*

Содержание

Часть первая	20
1	21
2	29
3	38
4	46
5	52
6	65
7	77
8	89
9	103
10	119
11	128
12	133
13	150
14	169
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Кевин Кван

Проблемы безумно

богатых азиатов

Посвящается моим родителям и Мэри Кван

Kevin Kwan

RICH PEOPLE PROBLEMS

Copyright © 2017 by Tyersall Park, Ltd.

All rights reserved

© Н. Н. Власова, перевод, примечания, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

КЛАН ЯНГ, ШАН И ЦЯНЬ

(СОКРАЩЕННОЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО)

ЯНГИ

Сэр Джеймс Янг + Шан Суи

Сингапур

Филиппи Янг +
Гарри Леонг

Сингапур

Гебри Леонг-мд. +
Юланиа На

Сингапур

Д-р Питер Леонг +
д-р Гладис Тан

Куала-Лумпур, Малайзия

Александр Леонг +
д-р Салима Ибрагим

Лос-Анджелес

АСТРИД ЛЕОНГ +
Майкл Тео

(один сын Кассиан)

Сингапур

Шан Луиша + Ван Ланьнь

Китай и Сингапур

Натриу Янг +
М. Ч.¹ принц Таксин Аакара

Бангкок, Таиланд;
Лозанна, Швейцария

М. Р.² Джеймс Аакара

Бангкок, Таиланд;
Лозанна, Швейцария

М. Р. Мэтью Аакара

Бангкок, Таиланд;
Лозанна, Швейцария

М. Р. Адам Аакара +
М. Р. Пираосми Алмичатпонгс

Бангкок, Таиланд;
Лозанна, Швейцария

Филипп Янг +
Энниор Суи

Сидней, Австралия;
Сингапур

НИКОЛАС ЯНГ +
РЕЙЧЕЛ ЧУ

Нью-Йорк

ШАНЫ

Альфред Шан + Мэриэл Цянь

Сингапур, Суррей

Виктория Янг

Сингапур,
Лондон

Александра (Алекс) Янг +
д-р Малкольм Чэн

Гонконг

ЭДИСОН ЧЭН +
Фiona Тан

(трое детей)

Гонконг

Секунга Чэн + Тони Моноур

(один сын Джейк)

Алистер Чэн

Гонконг

Сэр Леонард Шан + леди Ивора Хескит

Сингапур, Суррей

Шехерарада Шан

Казимир Шан
Лусия Шан

Проф. Чарльз Шан +
Энн Лигон

Сингапур, Бавенгемшир

Фредерик Шан +
д-р Пенелопа Карзон

Сингапур, Глестершир

Кассандра Шан

Сингапур, Лондон, Суррей

ЦЯНИ

Цянь Цайтай + Розмари Янг (сестра СЭРА ДНЕЙМСА ЯНГА)

Сингапур

Мэйбл Цянь + Альфред Шан (брат ШАН СУИ)

Сингапур, Виллмбриджшир

Ричард (Дини) Цянь и Нэнси Тан

Сингапур, Гонконг, Марбелла

Мари Цянь + Бернадетта Лин

Сингапур, Париж

Оливер Цянь

Лондон

Анна Мэй Цянь + Джорджи Ио

Виндзор

Кларенс Цянь + Беттина На

Гонконг

¹ М. Ч. — сокращенно титул молодца, представляющего для шанов короля Таиланда Рамы V (1853-1910). Титул был еще сохранился королевскими. Соответствует английскому «его светлости». — Примеч. автора.

² М. Р. — сокращенно титул молодца разжалован, который присваивается к монарху дел, если не отец молодца. Соответствует английскому «дисциплинарный (офицер)». — Примеч. автора.

Проблема № 1

*Вы не можете насладиться привычной
едой в великолепном ресторане на
эксклюзивном острове, где у вас дом на пляже.*

Остров Харбор, Багамы, 21 января 2015 года

Беттина Ортис-и-Менья не привыкла ждать. Бывшая «мисс Венесуэла» (ну и конечно же, «вице-мисс Вселенная»), чрезвычайно загорелая блондинка, сейчас была женой магната Германа Ортис-и-Меньи, занимавшегося в Майами продажей автозапчастей. Если уж Беттина выбирала какой-либо ресторан, чтобы украсить его своим присутствием, то ее всегда встречали с почтением и сажали за тот столик, который она пожелала. Сегодня ей хотелось занять угловой столик на террасе в «Сип-Сип», излюбленном заведении на острове Харбор, упасть в одно из удобных складных парусиновых кресел оранжевого цвета и любоваться легкими нежно-бирюзовыми волнами, вкушая салат цезарь. Но столик, да и всю террасу заняла большая шумная компания – и, похоже, не спешила уходить.

Беттина разозлилась, глядя на туристов, которые радостно наслаждались обедом под палящим солнцем. Только посмотрите, какая безвкусица! Женщины явно пережарились на пляже, кожа в морщинах, обвисло все, что можно и где не нужно, ни у одной нет и следа нормального лифтинга или ботокса. Так и хочется подойти к их столу и раздать визитные карточки косметолога. А мужчины и того хуже! Все до единого – в старых помятых рубашках и шортах, да еще и нахлобучили дешевые соломенные шляпы, которые продавались в магазине безделушек на Данмор-стрит. Как вообще подобный сброд здесь оказался?!

Этот рай длиной в три с половиной мили, с его первозданными розовыми песчаными пляжами, был одним из самых тщательно охраняемых секретов на Карибах, убежищем для богатейших людей, заполненным причудливыми деревянными домиками оттенков шербета и очаровательными бутиками. На берегу океана расположились шикарные особняки, превращенные в постоянные дворы, и пятизвездочные рестораны, конкурирующие с заведениями Сен-Барта¹. Туристы должны сдать экзамен на стиль, прежде чем им разрешат ступить на остров! Чувствуя, что ее терпению пришел конец, Беттина ворвалась в кухню. Бахрома на тунике от «Пуччи» яростно колыхалась, когда «вице-мисс Вселенная» налетела на женщину с кудрявыми светлыми волосами, отдававшую

¹ Имеется в виду остров Сен-Бартелеми, престижный курорт, эдакий Сен-Тропе Карибского моря. – *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

распоряжения у главной плиты. Это была Джули, владелица ресторана.

– Джули, зайка, что за фигня? Я жду свой столик уже больше *пятнадцати минут*! – заныла Беттина.

– Простите, Беттина, сегодня много клиентов. Компания на террасе нарисовалась как раз перед вашим приходом, – буркнула Джули, подавая официанту чашку с моллюсками, приправленными острым чили.

– Но терраса – лучшее место во всем ресторане! Во имя всего святого, как ты пустила туда этих *туристов*?!

– Ну, конкретно вон тот *турист* в красной кепке – герцог Гленкора. Его компания только что приплыла из Уиндермира. Это его «Королевский охотник» на причале у берега. Разве это не самый красивый парусник, который вы когда-либо видели?

– Меня не впечатляют большие лодки, – фыркнула Беттина, хотя в глубине души ее очень даже впечатляли люди с бо-о-ольшими титулами.

Она шагнула к кухонному окну и теперь уже другими глазами взглянула на тех, кто собрался на террасе. Эти британские аристократы – странный народ. Конечно, в шкафах у них пылятся костюмы с Сэвил-роу² и семейные диадемы, но в каком-нибудь вояже им ничего не стоит вырядиться пугалом!

² *Сэвил-роу* – улица в центре Лондона, известная своими старейшими и именитыми ателье по пошиву мужской одежды.

Только тут Беттина заметила за соседним столом трех загорелых, хорошо сложенных парней в облегающих белых футболках и черных кевларовых брюках. Эти ребята не ели, а просто сидели, потягивая газировку из стаканов.

– Я предполагаю, это телохранители герцога? Что ж они на глаза-то всем лезут? Разве не знают, что здесь, на Брилэнде³, мы все миллиардеры и у нас так не принято? – хмыкнула с досадой Беттина.

– На самом деле это охрана специального гостя герцога. Они еще до приезда всей честной компании обыскали ресторан сверху донизу. Даже мою морозильную камеру. Видите того китайца, сидящего в конце стола?

Беттина покосилась сквозь свои солнцезащитные очки «Диор экстаз» на полноватого лысого азиата лет семидесяти, одетого в невзрачную белую рубашку для гольфа и серые брюки.

– О, я даже не заметила его! А я должна знать, кто это?

– Это *Альфред Шан*⁴, – тихо объяснила Джули.

Беттина хихикнула:

– Он выглядит как чей-то шофер. Правда похож на того парня, который возил героиню Джейн Уайман в сериале «Фэлкон-Крест»?

³ Небольшое преувеличение, но на этом острове, который местные жители ласково называют Брилэнд, действительно проживают двенадцать миллиардеров (по последним подсчетам, в зависимости от того, кто считает). – *Примеч. автора.*

⁴ Азиатские фамилии даны по правилам транскрибирования сингапурских и кантонских фамилий.

Джули, которая пыталась сосредоточиться на поисках идеального среза для тунца, покачала головой с грустной улыбкой:

– Судя по тому, что я слышала, этот «шофер» – самый влиятельный человек в Азии.

– Как, говоришь, его зовут?

– Альфред Шан. Сингапурец, но живет в основном в Англии – в поместье размером с половину Шотландии, как мне рассказывали.

– Ну, я никогда не видела его имени ни в одном из списков богатейших людей, – фыркнула Беттина.

– Беттина, уверена, вы в курсе, что на этой планете есть люди, которые слишком богаты и могущественны, чтобы появиться в этих списках.

Проблема № 2

Личный врач, который должен отвечать на ваш вызов в любое время суток и получает за это миллион долларов в год, занят другим пациентом.

Сидя на террасе с видом на легендарный пляж острова Харбор, Альфред Шан любовался потрясающим пейзажем, открывавшимся его взору. *А ведь не врали – песок действи-*

тельно розовый!

– Альфред, кесадилья из лобстеров остынет! – Герцог Гленкора прервал его мысли.

– Ты затащил меня сюда ради вот этого?! – спросил Альфред, с сомнением глядя на треугольные ломтики, искусно выложенные на тарелке.

Он не питал особой любви к мексиканской кухне, за исключением тех блюд, что готовил повар его хорошего друга Слима из Мехико.

– Попробуй, прежде чем судить.

Альфред осторожно откусил кусочек и молча жевал, пока сочетание лепешки, лобстера и гуакамоле творило свою магию.

– Чудесно, не правда ли? Я много лет пытаюсь убедить шеф-повара в Уилтоне повторить этот шедевр, – сказал герцог.

– Они ничего не изменили в Уилтоне за полвека, и не думаю, что когда-нибудь включат такое в свое меню.

Альфред, смеясь, подцепил пальцами со стола кусок лобстера, вывалившийся из кесадильи, и сунул в рот. Телефон завибрировал в кармане брюк. Альфред вынул его и с раздражением уставился на экран. Все знали, что Шана нельзя беспокоить во время ежегодной рыбалки с герцогом.

На экране высветилось:

ЗАЩИЩЕННАЯ ЛИНИЯ ТАЙЕРСАЛЬ-ПАРКА

Звонила старшая сестра Суи, единственный человек, на

чьи звонки Альфред отвечал в любое время дня и ночи. Он немедленно принял вызов, но голос в телефоне неожиданно произнес на кантонском диалекте:

– Господин Шан, это А-Лин!

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это экономка из поместья сестры.

– Ой... Лин-цзе!⁵

– Хозяйка поручила мне позвонить вам. Она чувствовала себя очень плохо сегодня вечером, и ее только что отвезли в больницу. Мы думаем, это сердечный приступ.

– Что значит «вы думаете»? Так был у нее сердечный приступ или нет? – Встревоженный Альфред внезапно перешел с английского языка на кантонский диалект.

– Ну... не было никаких болей, госпожа обильно потела, а потом ее вырвало. Она сказала, что чувствует учащенное сердцебиение... – А-Лин занервничала и начала заикаться.

– А профессор Уон пришел? – спросил Альфред.

– Я пыталась дозвониться ему по мобильному, но телефон сразу переключился на голосовую почту. Потом я позвонила ему домой, а там сказали, что он в Австралии.

– А почему *ты* всем названиваешь? Разве Виктории нет дома?

– Господин Шан, Виктория ведь в Англии!

⁵ Кантонский термин «старшая сестра», который часто используют как фамильярное обращение к помощницам по дому, как иногда используется слово «бой» (мальчик), например «Джонни-бой». – *Примеч. автора.*

Аламак!⁶ Он совсем забыл, что племянница, дочь Суи Виктория, которая тоже жила в поместье, сейчас гостила у него в Суррее и, без сомнения, увлеченно сплетничала с его женой и дочерью.

– А что насчет Фелисити? Она не приехала? – Альфред спрашивал о старшей дочери Суи: дом Фелисити располагался неподалеку от Тайерсаль-парка на Нассим-роуд.

– Я не смогла дозвониться до миссис Леонг сегодня вечером. Ее служанка сказала, что она в церкви, а миссис Леонг всегда выключает телефон в храме Божьем.

Черт, никакого от них толку!

– А в «скорую» ты звонила?

– Нет, госпожа отказалась вызывать «скорую». Викрам в сопровождении горничных и двух гуркхов отвез ее в больницу на «даймлере». Но перед отъездом госпожа сказала, что вы знаете, как связаться с профессором Уоном.

– Хорошо-хорошо. Я позабочусь об этом, – раздраженно буркнул Альфред и дал отбой.

Все за столом выжидающе смотрели на него.

– О боже, похоже, что-то серьезное, – сказал герцог и обеспокоенно сжал губы.

– Я отойду на минутку... Пожалуйста, продолжайте. – И Альфред поднялся.

⁶ Одно из самых популярных восклицаний в Сингапуре, заимствованное из малайского языка; выражает потрясение или разочарование вроде «боже мой». – *Примеч. автора.*

Охранники последовали за ним. Он пересек зал ресторана и вышел в сад. Затем нажал цифровую клавишу быстрого набора: «профессор Уон (дом)».

Ему ответил женский голос.

– Оливия? Это Альфред Шан.

– О Альфред! Вы ищете Фрэнсиса?

– Да. Мне сказали, что он в Австралии.

Зачем, черт побери, они платят миллион долларов этому доктору, которого никогда не застать?!

– Он час назад улетел в Сидней. Завтра выполняет тройное шунтирование тому актеру, который получил «Оскара» за...

– Значит, он сейчас в самолете? – перебил Альфред.

– Да, но он прилетит через несколько часов, если нужно...

– Просто дай мне номер рейса! – рявкнул он, а потом повернулся к одному из своих телохранителей и спросил: – У кого сингапурский телефон? Прямо сейчас звоните в Истану⁷. – Обращаясь к другому телохранителю, он велел: – И пожалуйста, закажите мне еще одну кесадилью с лобстером!

⁷ Малайское слово, которое значит «дворец». В данном случае Альфред имеет в виду Истану в Сингапуре, официальную резиденцию президента. – *Примеч. автора.*

Проблема № 3

*Ваш самолет вынужден приземлиться,
прежде чем вы допьете «Дом Периньон».*

Восточная Ява, Индонезия

В люксах первого класса только что опустили шелковые экраны, огромный двухэтажный «Эйрбас А380-800» достиг комфортной крейсерской высоты в тридцать восемь тысяч футов, и большинство пассажиров удобно расположились на своих местах, изучая предложенный каталог фильмов. Через несколько минут самолет оказался в воздушном пространстве Индонезии, и пилоты рейса 231 «Сингапурских авиалиний», выполняющие полет в Сидней, получили совершенно необычные инструкции от авиационно-диспетчерской службы Джакарты.

Авиадиспетчер: Сингапур два тридцать один, вас вызывает Джакарта.

Пилот: Сингапур два тридцать один, говорите.

Авиадиспетчер: Меня проинструктировали: вы должны немедленно развернуться и совершить посадку

в сингапурском аэропорту Чанги.

Пилот: Джакарта, вы хотите, чтобы мы вернулись в сингапурский Чанги?

Авиадиспетчер: Да. Разверните самолет и немедленно возвращайтесь в Сингапур. У меня на руках исправленный маршрут.

Пилот: Джакарта, в чем причина изменения курса?

Авиадиспетчер: У меня нет этой информации, но это прямой приказ от Главного управления гражданской авиации.

Пилоты с недоверием переглянулись.

– Мы и правда должны сделать это?! – удивился командир экипажа. – Нам придется сбросить четверть миллиона литров топлива, прежде чем мы сможем приземлиться!

В этот момент на панели системы селективного вызова высветился сигнал входящего сообщения. Второй пилот принял его и, не веря своим глазам, посмотрел на командира:

– Ой-ё! Это от министра чертовой обороны! Он приказывает возвращаться в Сингапур без промедления!

Когда самолет совершил неожиданную посадку в аэропорту Чанги всего через три часа после вылета, пассажиры пришли в полное замешательство. Что за странный поворот событий? По внутренней связи прозвучало объявление:

– Дамы и господа, из-за форс-мажорных обстоятельств нам пришлось экстренно вернуться обратно в Сингапур. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах с пристегнутыми ремнями безопасности, так как полет в Сидней будет осуществ-

лен сразу после заправки.

Два человека в неприметных темных костюмах поднялись на борт и подошли к пассажиру, сидящему в сюте 3А. Это был профессор Фрэнсис Уон, ведущий сингапурский кардиолог.

– Профессор Уон? Я лейтенант Райан Чэнь из ОБР⁸. Пожалуйста, пройдемте с нами.

– Мы покидаем самолет? – спросил профессор Уон, совершенно сбитый с толку.

Он только что смотрел «Исчезнувшую», а в следующую минуту самолет приземлился в Сингапуре. Уон даже не успел оправиться от сногшибательного поворота сюжета.

Лейтенант Чэнь коротко кивнул:

– Да. Пожалуйста, соберите все свои вещи, вы на этот рейс не вернетесь.

– Но... что я сделал? – Профессор Уон внезапно занервничал.

– Не беспокойтесь, вы ничего не сделали. Но вам необходимо покинуть этот самолет.

– Только мне?

– Да, только вам. Мы отвезем вас прямо в клинику «Маунт Элизабет». Вас просят осмотреть ВИП-пациента.

⁸ Отдел безопасности и разведки, сингапурский эквивалент американского ЦРУ или британского МИ-5, настолько секретное подразделение, что большинство людей даже не знает о его существовании. Но да, человек, который возле супермаркета ест рыбный шарик на палочке, вполне может оказаться сингапурским Джеймсом Бондом, и вы даже не узнаете этого. – *Примеч. автора.*

Тут профессор Уон понял: что-то случилось с Шан Суи, ведь только у Шанов была возможность развернуть самолет «Сингапурских авиалиний», на борту которого было четыреста сорок пассажиров.

Часть первая

Единственное, что мне нравится в богатых людях, – их деньги.

Виконтесса Нэнси Астор

1

Давос, Швейцария

Эдисон Чэн устоял на высокий, напоминающий соты потолок огромного белого зала, чувствуя себя на вершине мира. *Я здесь. Я наконец-то здесь!* После многих лет общения на уровне богов Олимпа Эдди наконец-то добился своего: его пригласили присутствовать на ежегодной встрече Всемирного экономического форума в Давосе. Сюда можно было попасть только по приглашению⁹ – это престижное мероприятие стало самой элитной тусовкой на планете.

Каждый январь самые могущественные главы государств, политики, благотворители, генеральные директора, лидеры в сфере высоких технологий, видные мыслители, общественные деятели, социальные предприниматели и, конечно же, кинозвезды¹⁰ слетаются на этот уединенный горнолыжный курорт высоко в Швейцарских Альпах на своих частных самолетах, регистрируются в роскошных отелях, надевают лыжные куртки и лыжные ботинки стоимостью пять тысяч долларов и вступают в содержательный диалог о таких на-

⁹ И если вам посчастливилось получить приглашение, просто знайте, что вы все равно обязаны платить 20 000 долларов США за посещение, если только не являетесь одним из людей, перечисленных в следующей сноске. (Красивые люди никогда и ни за что не должны платить.) – *Примеч. автора.*

¹⁰ Лео, Брэд, Анджелина и Боно тоже присутствовали. – *Примеч. автора.*

сущных проблемах, как глобальное потепление и растущее неравенство.

И теперь Эдди удостоился членства в этом ультраэкслюзивном клубе. Его недавно назначили старшим исполнительным вице-председателем отдела по обслуживанию частных клиентов «Лихтенберг групп» – и в настоящую минуту он вдыхает разреженный воздух и ловит осколки собственного отражения в тонкой хромированной ножке кресла посреди футуристического зала в Конгресс-центре. Эдди надел новый костюм «Сарториа Рипенсе», сшитый на заказ и снабженный внутренней подкладкой из десяти слоев кашемира, что позволяло забыть про лыжную куртку. У новеньких замшевых ботинок чакка от «Кортай» были специальные резиновые подошвы, поэтому Эдди никогда не поскальзывался на обледенелых альпийских улицах. На запястье красовалось новейшее приобретение – часы из розового золота «Пур ле Мерит» марки «А. Ланге унд Зёне». Они выглядели изпод манжеты ровно настолько, чтобы другие «часоманьяки» смогли увидеть, что носит Эдди. Ну а поверх великолепного образчика портновского искусства было надето самое главное – черный ремешок, на котором болтался белый бейдж с напечатанным посередине именем: «Эдисон Чэн».

Эдди нежно дотрагивался до пластикового значка, как будто это инкрустированный драгоценными камнями амулет, лично дарованный ему богом Давоса. Бейдж отличал владельца от всяких там прочих: от пиарщиков, журнали-

стов или обычных посетителей конференции. Белый пластиковый прямоугольник с голубой линией внизу означал, что Эдди Чэн был *официальным делегатом*.

Эдди озирался по сторонам, скользя взглядом по группам людей, которые тихонько о чем-то переговаривались, и силился узнать какого-нибудь диктатора, сатрапа или хотя бы режиссера, чтобы познакомиться с ним. Краем глаза он заметил высокого китайца в яркой парке, со слегка растерянным видом заглядывающего в зал через боковую дверь. *Подождите минутку, я знаю этого парня. Это же Чарли У?*

– Ой... Чарли! – закричал Эдди чересчур громко, бросаясь к нему. *Сейчас он увидит мой значок официального делегата!*

Чарли узнал его и улыбнулся:

– Эдди Чэн! Ты только что из Гонконга?

– Вообще-то, из Милана. Я был на осенних модных показах для мужчин, сидел в первом ряду на шоу «Этро».

– Ух ты! Полагаю, быть одним из самых стильно одетых мужчин по версии гонконгского «Татл» – серьезная работа, не так ли? – усмехнулся Чарли.

– На самом деле я попал в Зал славы с лучшим гардеробом в прошлом году, – искренне похвастался Эдди.

Он быстро окинул Чарли взглядом, отметив, что на нем брюки цвета хаки с накладными карманами и темно-синий пуловер под ярко-оранжевой паркой. Какая жалость – он выглядел таким стильным, когда был моложе, а теперь одевает-

ся, как типичный айтишник.

– Где твой бейджик, Чарли? – спросил Эдди, сияя от гордости.

– Ох, точно, мы же должны носить их постоянно, да? Спасибо, что напомнил... он где-то тут...

Чарли несколько секунд копался в сумке, висящей на его плече, и наконец выудил свой бейдж. Эдди взглянул на кусочек пластика, и его любопытство превратилось в полное смятение. Чарли держал абсолютно белый значок с блестящей голографической наклейкой. *Мать моя женищина, это самый желанный бейджик! Тот, который выдают исключительно мировым лидерам! Единственный человек, у кого я до сих пор видел такой бейдж, – это Билл Клинтон! Как, черт возьми, его получил Чарли? Он всего лишь управляет крупнейшей технологической компанией Азии!*

Пытаясь скрыть зависть, Эдди выпалил:

– Ты пойдешь на мою панель¹¹ «Азиатский апокалипсис: как вы защитите свои активы, когда „китайский пузырь“ действительно лопнет?»?

– На самом деле я собираюсь выступить в рамках НСМ-ЭЛ¹². Во сколько ты потом будешь выступать?

– В два часа. А о чем твое выступление? – спросил Эдди,

¹¹ Имеется в виду панельная дискуссия.

¹² Аббревиатура «Неформального собрания мировых экономических лидеров», святая святых конференции. Это мероприятие настолько тайное, что проходит в неизвестном месте в глубинах Конгресс-центра. – *Примеч. автора.*

надеясь, что он сможет каким-то образом присоединиться к Чарли.

– Я не готовился специально. Думаю, Ангела Меркель и кто-то из скандинавов просто хотят со мной посоветоваться.

В этот момент к ним подошла Элис, помощница Чарли.

– Элис, посмотри, кого я встретил! Я знал, что рано или поздно мы натолкнемся на кого-то из своих, – сказал Чарли.

– Мистер Чэн, как приятно видеть вас здесь! Чарли, можно на пару слов?

– Конечно.

Элис посмотрела на Эдди, который явно надеялся присутствовать при продолжении разговора.

– Не могли бы мы отойти ненадолго? – спросила она дипломатично, увлекая Чарли в приемную, обставленную шезлонгами и журнальными столиками в виде стеклянных кубов.

– Что случилось? Пытаешься прийти в себя, после того как завтракала за одним столом с Фарреллом? – поддразнил Чарли.

Элис натянуто улыбнулась:

– Утром кое-что произошло, но мы не хотели беспокоить вас, пока не узнали больше.

– Ну валяй!

Элис глубоко вздохнула, прежде чем начать.

– Я только что получила последние данные от нашего начальника службы безопасности в Гонконге. Не знаю, как и

сказать... Хлои и Дельфина исчезли.

– Что значит «исчезли»?!

Чарли был ошеломлен – дочери находились под круглосуточным наблюдением, проводы в школу и встречи были отработаны с военной точностью специально обученной командой. В их жизни просто не могло случиться никаких «исчезновений».

– Группа «Чунцин» должна была забрать их у Епархиальной школы¹³ без десяти четыре, но девочек в школе не обнаружили.

– Не обнаружили в школе... – пробормотал шокированный Чарли.

Элис продолжила:

– Хлои не ответила ни на одно из текстовых сообщений, а Дельфина так и не появилась на хоровых занятиях в два. Учителя подумали, что, может быть, она сбежала с одноклассницей Кэтрин Чан в магазин замороженных йогуртов, как в прошлый раз, но потом Кэтрин пришла на урок пения, а Дельфина – нет.

– Кто-нибудь из них активировал свои экстренные коды? – спросил Чарли, стараясь сохранять спокойствие.

– Нет. Их телефоны, кажется, были выключены, поэтому мы не можем их отследить. Команда «2046» уже говорила с

¹³ Речь о Епархиальной женской школе, которая была открыта в 1860 году и стала одной из первых гонконгских женских школ, постепенно превратившись в элитное учебное заведение.

командиром Квоком – полиция Гонконга приведена в состояние повышенной готовности. Четыре наших собственных отряда рыщут повсюду, а в школе сейчас проверяются все камеры наблюдения – этим занимается мистер Тин.

– Я предполагаю, кто-то уже поговорил с матерью девочек?

Жена Чарли Изабель, с которой он разошелся, жила на Пике, и дети проводили с ней каждую вторую неделю.

– До Изабель не дозвониться. Она сказала домработнице, что обедает с матерью в коулунском Крикет-клубе, однако та утверждает, что они не разговаривали всю неделю.

В этот момент у Элис зазвонил сотовый, она тут же ответила на вызов, а затем молча слушала, время от времени кивая. Чарли задумчиво смотрел на нее. *Этого не может быть. Просто не может быть, и все. Десять лет назад его брата Роба похитили члены триады «Одиннадцать пальцев». Это было словно дежавю.*

Элис поблагодарила собеседника на кантонском и дала отбой. Посмотрев на Чарли, она сообщила:

– Это был командир отряда «Ангелов». Они считают, что Изабель могла покинуть страну. Поговорили с горничной, паспорт Изабель отсутствует. Но по какой-то причине она не взяла ни одного чемодана.

– Разве она не проходит какой-то новый курс лечения?

– Да, но, похоже, она пропустила прием у психиатра на этой неделе.

Чарли глубоко вздохнул. Дурной знак.

Отель «Фуллертон», Сингапур

Каждый месяц Розалинда Фан, наследница многочисленной недвижимости, устраивала банкет «Христианская община» для трехсот своих самых близких друзей в роскошном большом зале отеля «Фуллертон». Приглашение на это мероприятие считалось очень желанным среди определенной части сингапурского общества независимо от религиозной принадлежности, так как его одобряла старая гвардия (в поле зрения не наблюдалось ни одного индонезийца китайского происхождения или материкового китайца), да и еда была божественной – Розалинда привлекала личных поваров, которые прямо в кухне отеля готовили огромный фуршет, состоящий из самых аппетитных сингапурских блюд. Самое главное – эта библейская вакханалия была совершенно бесплатной благодаря щедрости Розалинды, хотя гостей просили внести что-то в корзину пожертвований¹⁴ сразу после заключительной молитвы.

Стратегически выбрав ближайший к буфету стол, Дейзи Фу вздохнула, глядя на Араминту Ли, стоявшую в очереди

¹⁴ Большинство гостей оставляли по пять или десять долларов, кроме миссис Ли Юнчэн, которая не оставляла ничего. «Я перевожу все свои пожертвования через семейный фонд Ли», – всегда говорила она. – *Примеч. автора.*

за лапшой ми сиа¹⁵.

– Ай-я, это же Араминта! – воскликнула Дейзи и добавила на южноминьском: – Как постарела!

– Она не выглядит старой. На ней просто ни грамма косметики, вот и все. Такой типаж супермоделей, которые без макияжа выглядят как серые мышки, – возразила Надин Шоу, пододвигая к себе дымящуюся миску лапши ми ребус¹⁶ и принимаясь за еду.

Элино^р Янг, поливая жареную лапшу маслом чили, сказала:

– Не в этом дело. Раньше я наблюдала, как Араминта плавает в Черчилль-клубе, и она прекрасно выглядела без макияжа, даже когда вся мокрая выходила из бассейна. Просто лицо поменялось. У нее одно из тех лиц, которые некрасиво стареют, и я всегда это знала. Сколько ей сейчас – двадцать семь, двадцать восемь? Для нее все кончено, лах!¹⁷

В этот момент к столу подошли Лорена Лим и Кэрол Тай с тарелками, на которых опасно высились пирамиды всякой снеди.

– Подожди-ка... кто некрасиво стареет? – нетерпеливо спросила Лорена.

¹⁵ *Ми сиа* – рисовая лапша, замоченная в остро-сладком соусе из тамаринда. Популярное блюдо в Малайзии и Сингапуре.

¹⁶ *Ми ребус* – яичная лапша в густом картофельном соусе с добавлением мяса и овощей.

¹⁷ *Лак* – усиливает высказывание сродни частице «же».

– Араминта Ли. Вон она, за тем столом со всеми прочими Ху. Разве она не выглядит измученной? – сказала Надин.

– Аламак, прикуси язык, Надин! Разве ты не знала, что у нее только что был выкидыш? – прошептала Кэрол.

Все посмотрели на Кэрол, разинув рот.

– Опять? Шутишь? Кто тебе сказал, лах? – спросила Дейзи, не переставая жевать лапшу.

– Кто же еще? Китти, лор¹⁸. Китти и Араминта сейчас лучшие подруги, и после последнего выкидыша та много времени проводила в доме Китти, играя с Жизель. Араминта просто убита горем.

– И часто ты видишься с Китти и Жизель? – спросила Лорена.

Ее удивило, что Кэрол могла взять и простить бывшую невестку, изменявшую ее сыну Бернарду со старпером, которого подцепила на похоронах мужа Кэрол, и устроившую ожесточенную битву за развод и опеку над дочкой. (Разумеется, Китти повезло, что Кэрол ненавидела новый образ жизни сына – йогу и «нелепую диету юрского периода», которую считала сатанинской.)

– Я навещаю Китти по крайней мере раз в неделю, и Жизель ходит со мной в церковь каждое воскресенье, – гордо сообщила Кэрол.

– Нормально ли, что Араминта играет с твоей внучкой,

¹⁸ *Лор* – междометие из южноминьского диалекта, используется для выражения пренебрежения.

если она только что потеряла ребенка? – громко удивилась Надин.

– Ай-я, я уверена, что старая миссис Ху, должно быть, слишком давит на Арамину, чтобы та подарила ей внука! Она уже пять лет замужем за Колином! Вот и Ники с Рейчел женаты уже два года, а до сих пор меня не порадовали, – посетовала Элинора.

– Но Арамину еще молода. У нее полно времени, – возразила Надин.

– Не забывайте, что все родственники Дороти Ху лишены наследства, родные Пуана никчемные люди, Найджел Ху сбежал и женился на русской певичке из кабаре, слишком старой, чтобы вообще кого-то родить. Так что Колин и Арамину – последняя надежда продлить род Ху, – прокомментировала Дейзи.

Она родилась в семье Вонг, разбогатевшей на добыче олова, и обладала энциклопедическими знаниями социальной истории Сингапура.

Все дамы покачали головой, с жалостью взирая на Арамину, которая в глазах всех остальных, кроме этих излишне критически настроенных женщин, выглядела совершенно великолепно и мило в своем желтом полосатом мини-платье от Симона Жакмю.

– Ну, Элинора, только что приехала твоя племянница Астрид. Вот она, красотка, которая, кажется, никогда не постареет, – заметила Кэрл.

Все женщины повернулись, чтобы посмотреть, как Астрид спускается по широкой изогнутой лестнице со своей матерью Фелисити Леонг; вместе с ними шла королева высшего света госпожа Ли Юнчэн и еще одна пожилая женщина, укутанная в кобальтово-синий хиджаб с блестками.

– Кто эта малайская дама в огромном рубиновом колье? Центральный камень выглядит огромным даже отсюда, значит вблизи он должен быть размером с личи! – воскликнула Лорена.

Будучи замужем за владельцем ювелирного дома «Л'Ориент» более трех десятилетий, она отлично разбиралась в камнях.

– О, это вдовствующая султанша Перавака. Разумеется, она остановилась у Леонгов, – сообщила Элинор.

– Аламак, когда у тебя гостят особы королевской крови – это такой напряг! – пожаловалась Дейзи.

Лорена, как и большинство женщин в зале, внимательно изучала Астрид с головы до ног, пока та шла к своему столу. На ней было нечто похожее на накрахмаленную до хруста мужскую рубашку на пуговицах, заправленную в изысканные брюки-дудочки из льняной ткани в сине-белую клетку.

– Это правда, Астрид на самом деле выглядит все моложе и моложе каждый раз, когда я ее вижу. Ей ведь уже за тридцать? Она похожа на ученицу Методистской школы¹⁹, выхо-

¹⁹ Мы, мальчишки из Англо-китайской школы, в шутку называли Методистскую школу для девочек (МШД) «Макакиной школой для девочек». – *Примеч.*

дящую из школьного автобуса! Бьюсь об заклад, она, должно быть, где-то тайком оперируется.

– Могу вас заверить, она не прибегала к помощи хирургов. Она не такая, – возразила Элинор.

– Все дело в том, как она сочетает вещи. Другие девушки ее возраста наряжены, как рождественские елки, а она... Вы только взгляните на Астрид! Волосы зачесаны в хвост, балетки, ни капли украшений, кроме крестика... это бирюза? А наряд! Она похожа на Одри Хепбёрн, которая отправилась на кинопробы, – одобрительно сказала Дейзи, пытаюсь отыскать в своей новой сумке «Селин» зубочистку. – Проклятье! Видите, что моя чванливая невестка заставляет меня носить? Она всучила мне эту модную вещь на день рождения, потому что ей стыдно находиться рядом, когда у меня на плече небрендовая сумка, но в этой я ничего не могу найти! Адски глубокая, да еще тьма-тьмущая чертовых карманов!

– Дейзи, перестань чертыхаться, а? Ты же в курсе, что мы тут как бы собрались в присутствии Господа, – проворчала Кэрол.

Как будто услышав команду, хозяйка пиршества Розалинда Фан встала из-за стола и поднялась на сцену. Невысокая пухлая женщина лет шестидесяти, с выющейся спиральной завивкой, Розалинда выбрала сегодня наряд, который мог быть униформой любой немолодой сингапурской наследни-

цы «старых денег»: блузка в цветочек, без рукава, вероятно купленная на распродажной стойке в универмаге «Джон Литл», узкие брюки из эластичной ткани и ортопедические босоножки с открытым носом. Она улыбнулась с трибуны своим подругам, посетившим мероприятие:

– Милые дамы, спасибо всем, что пришли сегодня вечером пообщаться с Христом. Небольшое предупреждение, пока мы не начали. Сегодня лакса²⁰ страшно острая. Я не знаю, как так получилось, но даже Мэри Лау, которая, как все знают, высыпает в каждое блюдо дополнительную горку перца чили, сказала мне, что ей слишком остро. Прежде чем мы продолжим насыщать свои желудки и души, епископ Си Бэйсень откроет нашу программу своим благословением.

Когда епископ начал одну из своих заведомо утомительных молитв, за боковой дверью банкетного зала послышалась странная возня. Казалось, снаружи разгорелся жаркий спор, за которым последовала серия приглушенных ударов. Внезапно дверь распахнулась.

– Я ЖЕ СКАЗАЛА, ВАМ ТУДА НЕЛЬЗЯ! – завопила помощница Розалинды, нарушая тишину.

Кто-то бегал вдоль стены зала, прерывисто вскрикивая, как животное. Дейзи толкнула женщину за соседним столом, которая привстала, чтобы лучше видеть.

– Что там? – с тревогой спросила у нее Дейзи.

²⁰ *Лакса* – острый пряный суп с толстой рисовой лапшой и моллюсками, подается с рыбным пирогом.

– Не знаю... лах... похоже, какая-то сумасшедшая бездомная бродяжка, – последовал ответ.

– Что значит «бездомная»?! В Сингапуре не бывает бездомных! – воскликнула Элинор.

Астрид, сидевшая в дальнем конце рядом со сценой, не понимала, что происходит, пока в зале не появилась растрепанная женщина в заляпанных штанах для йоги и не направилась прямо к ней, таща за собой двух маленьких девочек в школьной форме. Миссис Ли Юнчэн ахнула и крепко прижала сумочку к груди, Астрид же с удивлением поняла, что эти две девочки – Хлои и Дельфина, дочери Чарли У. А невменяемая женщина – бывшая жена Чарли Изабель! В последний раз Астрид видела ее в платье от «Диор» на Венецианском биеннале. Теперь Изабель было не узнать. Что она и дети делают здесь, в Сингапуре?

Прежде чем Астрид успела что-то сказать, Изабель У взяла старшую дочь за плечи и развернула к ней.

– А вот и она! – взвизгнула Изабель, брызжа слюной. – Хочу, чтобы ты увидела ее своими глазами! Ту шлюху, которая раздвигает ноги перед твоим папулей!

Все за столом ахнули, и Розалинда Фан немедленно перекрестилась, словно этот жест мог как-то защитить уши от непристойности. Охранники отеля уже спешили на помощь, но Изабель, пока ее не скрутили, схватила ближайшую миску с лаксой и швырнула в Астрид. Та рефлекторно отпрянула, а миска рикошетом отскочила от края стола, обдав обжи-

гающей острой жижей Фелисити Леонг, миссис Ли Юнчэн и вдовствующую султаншу Перавака.

Радио-Сити-Мьюзик-холл, Нью-Йорк

Патти Смит как раз пела свою самую известную песню «Because the Night», когда сотовый телефон Николаса Янга засверкал, словно фейерверк, через ткань кармана джинсов. Ник проигнорировал звонок, но, когда огоньки загорелись после финального выхода, он взглянул на экран и с удивлением обнаружил по одному голосовому сообщению от двоюродной сестры Астрид и лучшего друга Колина Ху и пять текстовых – от матери. Его мать никогда не отправляла эс-эмэсок. Ник даже не знал, что она умеет это делать.

Элинор Янг: *ники»*

Элинор Янг: *пожалуйста перевзони мне*

Элинор Янг: *почему ты не овтенчаешь на звонки?*

Элинор Янг: *у бабашки сердечный приступ*

Элинор Янг: *позвоин домой!*

Ник сунул телефон под нос своей жене Рейчел и опустил-ся на место.

После эйфории на концерте он почувствовал, что кто-то внезапно выбил из него все веселье. Рейчел быстро прочитала сообщения и с тревогой посмотрела на Ника:

– Ты не думаешь, что стоит перезвонить?

– Да, думаю, – ответил Ник. – Давай сначала выйдем от-

сюда. Мне нужно глотнуть свежего воздуха.

Они поспешили прочь из концертного зала и пересекли Шестую авеню, чтобы избежать толчеи под знаменитым шатром.

Ник обошел площадь вокруг небоскреба Тайм-Лайф-билдинг, уткнувшись в телефон. Первые несколько секунд на другом конце линии возникла знакомая пауза, обычно сопровождаемая характерной сингапурской мелодией, но сегодня голос матери раздался прежде, чем Ник успел подготовиться к этому.

– НИКИ! Ник, это ты?

– Да, мама, это я. Слышишь меня?

– Ай-я, почему ты так долго не перезванивал? Где ты?

– Я был на концерте, когда ты позвонила.

– Концерт? Вы ходили в Линкольн-центр?

– Нет, это был рок-концерт в Радио-Сити-Мьюзик-холле.

– Какой? Смотрел, как эти девицы из «Рокетс»²¹ дрыгают ногами?

– Нет, мама, рок-концерт, а не шоу «Рокетс».

– РОК-КОНЦЕРТ! Аламак, я надеюсь, ты взял с собой беруши. Я читала, что даже совсем молодые теряют слух, потому что продолжают ходить на эти рок-н-рольные концерты. Все эти хиппи с длинными волосами глохнут. Так им и надо.

²¹ «Рокетс» – американская танцевальная труппа, основанная в 1925 году, с 1932 года выступает в Радио-Сити-Мьюзик-холле.

– Громкость была нормальной, мама, там акустика одна из лучших в мире.

– Я только что из больницы. Ахмад везет меня к Кэрол Тай, у нее вечеринка с крабовым чили. Мне пришлось выбираться из больничной палаты, потому что там царит настоящий хаос. Фелисити, как обычно, качает права: она заявила, что мне нельзя к а-ма²², мол, к ней и так устроили настоящее паломничество, и врачи были вынуждены ограничить количество посетителей. Так что я просто немного посидела на улице, а потом перекусила в буфете с твоей кузиной Астрид. Я решила посветить там лицом, чтобы никто не посмел сказать, будто я не выполняю свой долг старшей невестки.

– И как там а-ма? – Ник не хотел признаться в этом самому себе, но ему очень хотелось узнать, жива ли бабушка.

– Им удалось стабилизировать ее, так что она в порядке.

Ник посмотрел на Рейчел и одними губами прошептал: «Порядок», а Элинор продолжила рассказывать:

– Ей сделали капельницу с морфием, и а-ма сейчас отдыхает в Королевской палате²³. Но жена профессора Уона сказала, что, похоже, все не очень хорошо.

– Жена профессора Уона – врач? – растерянно спросил Ник.

²² Бабушка.

²³ Королевскую палату изначально оборудовала королевская семья Брунея для личного использования, но теперь она открыта и для других суперВИП-персон. – *Примеч. автора.*

– Нет, лах! Но она же его жена и слышала из первых уст, что а-ма не протянет долго. Аламак, а чего ты хочешь? У нее хроническая сердечная недостаточность, и ей девяносто шесть лет, тут уже операция не поможет.

Ник насмешливо покачал головой: врачебная тайна явно не занимала первые строчки в списке приоритетов Фрэнсиса Уона.

– Что миссис Уон вообще там делает?

– Разве ты не в курсе? Миссис Уон – племянница первой леди Сингапура! Она провела с собой первую леди, двоюродную бабушку Розмари Цянь и Лилиан Мэй Тань. Весь этаж закрыли для обычных посетителей из-за суперВИП-пациентов, так как там лежат а-ма, миссис Ли Юнчэн и вдовствующая султанша Перавака. Возникла небольшая размолвка из-за того, кого положить в Королевскую палату, поскольку малайский посол настаивал на том, что там нужно разместить султаншу, но затем вмешалась первая леди и сказала главному врачу больницы: «Это даже не обсуждается. Разумеется, Королевская палата предназначена для Шан Суи».

– Подожди минутку, а откуда там взялись миссис Ли и султанша? Что-то я потерял нить.

– Ай-я, ты не слышал, что произошло? У Изабель У случился нервный срыв, она похитила детей из школы, притащила их в Сингапур, ворвалась на христианский банкет Розалинды Фан и запустила в Астрид миской очень острой лаксы, но промахнулась и попала в остальных дам. Слава богу,

на Фелисити было одно из ее полиэстеровых платьев в стиле пасар малам²⁴, поэтому суп не причинил ей никакого вреда, просто стек, как по тефлону, зато бедная миссис Ли и бедная султанша получили ожоги первой степени.

– Я вообще не понимаю, что случилось. – Ник раздраженно покачал головой, когда Рейчел вопросительно посмотрела на него.

– Я думала, уж ты-то точно знаешь. Изабель У обвинила Астрид в том, что она раздвинула ноги... я имею в виду, закрутила роман с ее мужем Чарли! Орала об этом прямо перед епископом и всеми присутствующими в банкетном зале! Ай-я, какой позор! Теперь весь Сингапур судачит о том, что Астрид – любовница Чарли!

– Она не его любовница, мама. Большого я не могу сказать, – осторожно возразил Ник.

– Ты и твоя двоюродная сестра всегда скрываете от меня секреты! Бедная Астрид в больнице выглядела совершенно потрясенной, однако все еще пыталась разыгрывать гостеприимную хозяйку перед всеми посетителями. Ближе к делу – когда ты приедешь домой?

Ник замолчал на мгновение, прежде чем сказать решительно:

– Я не вернусь.

²⁴ Буквально «ночной рынок» на малайском языке, пасар малам – это странствующий уличный рынок, где торгуют всем подряд. В данном случае Элинор намекает, что специально подобранный наряд Фелисити Янг выглядит как дешевая тряпка с уличного рынка под открытым небом. – *Примеч. автора.*

– Ники, не говори глупостей! Ты *должен* вернуться домой! Все возвращаются: твой отец уже едет из Сиднея, дядя Альфред прилетает через несколько дней, скоро придут тетя Алекс и дядя Малкольм из Гонконга и даже тетя Кэт из Бангкока. А как ты отнесешься к тому, что, возможно, все твои тайские кузены тоже приедут? Можешь в такое поверить? Эти ваши могущественные, царственные двоюродные братья никогда не снисходили до того, чтобы объявиться в Сингапуре, но, говорю тебе... – Элинор замолчала, взглянув на водителя, а потом прикрыла телефон рукой и зашептала довольно громко: – *Все они чувствуют, что это конец.* И они хотят показаться у постели а-ма, просто чтобы убедиться, что их упомянули в завещании!

Ник закатил глаза:

– Только ты могла сказать что-то подобное! Я уверен, это последнее, что у всех на уме.

Элинор рассмеялась:

– О боже мой, не будь таким наивным. Заверяю тебя, это единственное, что у всех на уме! Все стервятники кружатся как сумасшедшие, так что садись на следующий рейс! Это твой последний шанс помириться с бабушкой... – Она снова понизила голос. – *Если ты правильно разыграешь свои карты, то все равно сможешь получить Тайерсаль-парк!*

– Я думаю, корабль уплыл. Поверь, мне не будут рады.

Элинор разочарованно вздохнула:

– Ты ошибаешься, Ники. Я знаю, что а-ма не закроет гла-

за, пока не увидит тебя в последний раз.

Ник закончил разговор и коротко поведал Рейчел о состоянии бабушки, а также об инциденте с Изабель У и горячим супом. Затем он присел на парапет зеркального пруда на площади, внезапно почувствовав себя опустошенным. Рейчел примостилась рядом и молча обняла мужа за плечи.

Она знала, какими сложными были отношения между ним и бабушкой.

Когда-то они были очень близки. Ник был обожаемым внуком, единственным, носившим фамилию Янг, и единственным, кто жил в поместье, но прошло более четырех лет с тех пор, как они в последний раз виделись и разговаривали друг с другом. И все это из-за нее, Рейчел.

Суи устроила засаду во время романтического, как предполагалось, отдыха в Камерон-Хайлендс в Малайзии, приказав Нику разорвать отношения с Рейчел. Но Ник не только отказался – он оскорбил бабушку перед всеми, чего, вероятно, никогда не случалось с этой уважаемой женщиной за всю ее жизнь. За последние годы пропасть только расширилась, поскольку Ник демонстративно женился на Рейчел в Калифорнии, не включив бабушку и большинство многочисленных родственников в число приглашенных на свадьбу.

Эта девочка из неподходящей семьи! Рейчел все еще живо помнила осуждающий тон Суи, и на мгновение легкий холодок пробежал по ее спине. Но здесь, в Нью-Йорке, тень

Шан Суи не выглядела такой устрашающей, и в течение двух лет они с Ником наслаждались семейной жизнью вдали от назойливой родни. Рейчел иногда пыталась выяснить, можно ли что-нибудь сделать, чтобы устранить преграды между Ником и его бабушкой, но он упрямо отказывался говорить об этом. Она знала, что Ник не отреагировал бы с такой злостью, если бы не любил бабушку.

Рейчел посмотрела Нику в лицо:

– Как бы ни было больно признать это, но, я думаю, твоя мать права: нужно вернуться домой.

– Нью-Йорк – мой дом, – отрезал Ник.

– Ты же понимаешь, о чем я. Твоя бабушка, судя по всему, в критическом состоянии.

Ник, избегая взгляда Рейчел, смотрел в окна Рокфеллер-центра, которые все еще горели в столь поздний час.

– Слушай, я умираю с голоду. Куда нам пойти на поздний ужин? «Бюветт»? «Блю риббон бэйкери»?

Рейчел поняла, что сейчас давить на мужа бесполезно.

– Давай в «Бюветт». Думаю, кок-о-вен²⁵ – то, что нам нужно.

Ник сделал паузу, а потом буркнул:

– Может быть, сегодня вечером нам следует избегать мест, где подают горячий суп!

²⁵ *Кок-о-вен* – петух в вине, классическое блюдо французской кухни.

Клиника «Маунт Элизабет», Сингапур

Астрид провела пять часов в отделении интенсивной терапии, то сидя рядом с бабушкой, то распределяя потоки высокопоставленных персон, то успокаивая нервы матери, то разбираясь с рестораторами из «Мин Цзяна», которые устроили фуршет²⁶ в зале для VIP-посетителей. Сейчас ей требовалась передышка и глоток свежего воздуха. Она спустилась на лифте в лобби, вышла к маленькой пальмовой роще, примыкающей к боковому входу у Джалан-Элок²⁷, и начала переписываться с Чарли по «Вотсапу».

Астрид Леонг-Тео: Извини, не могла раньше. В отделении интенсивной терапии нельзя пользоваться мобильниками.

Чарльз У: Как там а-ма?

Астрид: Отдыхает, но прогноз не очень хороший.

²⁶ Да, легендарная пекинская утка из ресторана «Мин Цзян», приготовленная на дровах, которую подают вместе с порцией хрустящей шкурки, обваленной в мелком гранулированном сахаре, завернутой в домашние блины со сладким соусом, тертым луком-пореем и огурцами, после чего следует вторая порция – нарезанная утка в жареной лапше, – была частью импровизированного буфета в отделении интенсивной терапии, организованного Фелисити Леонг. – *Примеч. автора.*

²⁷ Джалан-Элок – улица, на которой построен один из так называемых зеленых домов, спроектированных как ландшафтная инсталляция.

Чарли: Мне жаль это слышать.

Астрид: С Изабель и детьми все в порядке?

Чарли: Да. Их самолет приземлился пару часов назад, и, к счастью, маме Изабель удалось успокоить ее на время полета. Изабель отправили в Гонконгский санаторий, и ею занимаются врачи. Дети в порядке. Немного потрясены. Хлои, как обычно, уткнулась в телефон, а я лежу рядом с Дельфиной, пока она спит.

Астрид: Ну должна сказать, они были просто ангелами. Пытались сохранять спокойствие, пока все это происходило. Дельфина бросилась к миссис Ли Юнчэн, а Хлои старалась успокоить Изабель, когда ту скрутили.

Чарли: Мне дико жаль, что все так случилось.

Астрид: Да ладно, ты не виноват.

Чарли: Еще как виноват. Я мог бы это предвидеть. Изабель должна была подписать соглашение о разводе на этой неделе, и мои адвокаты давили на нее. Вот почему произошел срыв. И моя служба безопасности полностью облажалась.

Астрид: Разве это не школа облажалась? Позволить Изабель войти и вывести девочек из класса в середине школьного дня?

Чарли: Она, по-видимому, разыграла спектакль, достойный «Оскара». Судя по тому, как хреново она выглядела, действительно можно было подумать, будто у нас дома произошло нечто из ряда вон выходящее. Вот что бывает,

когда жертвуешь школе слишком много денег, – тебе не станут задавать вопросы.

Астрид: Я не думаю, что кто-то мог предугадать подобный поворот!

Чарли: Ну, моя служба безопасности должна была предусмотреть все варианты. Полный провал. Эти придурки даже не заметили, как выходят Изабель и дети, поскольку у них под наблюдением был только главный вход. Иззи в свое время тоже ходила в эту школу, поэтому знала все секретные ходы, чтобы ускользнуть.

Астрид: О боже, я и не подумала об этом!

Чарли: Она вывела девочонок через дверь прачечной, а потом они спустились в метро и поехали прямо в аэропорт. Кстати, мы обнаружили, как она прознала, где тебя найдут. Розалинда Фан отметила тебя в «Фейсбуке» на фотографии с аналогичного прошлогоднего мероприятия.

Астрид: Правда? Я вообще не бываю на «Фейсбуке». Заглядываю туда раз в год.

Чарли: Мама Изабель в друзьях у Розалинды на ФБ. Она отправила ей сообщение три дня назад, спросила, будешь ли ты на этом мероприятии, и Розалинда написала «да» и даже уточнила, что посадит тебя за стол для почетных гостей.

Астрид: Так вот откуда она поняла, как найти меня в этой толпе! Я была потрясена, когда она подскочила ко мне и начала орать.

Чарли: *Полагаю, секрет перестал быть секретом. Теперь все о нас наверняка судачат.*

Астрид: *Понятия не имею. Наверное.*

Чарли: *Как отреагировала твоя маман? Пришла в бешенство, когда узнала про нас?*

Астрид: *Пока ничего не сказала. Не уверена, что она вообще сложила два плюс два. Когда все случилось, она была слишком занята, прикладывая салфетки к ожогам миссис Ли и султаниши. И посреди всей этой суматохи к нам кинулась Араминта Ли с криком: «Вы слышали? У вашей бабушки сердечный приступ».*

Чарли: *Да, адский денек.*

Астрид: *Ерунда по сравнению с тем, что пришлось пережить твоим дочкам. Мне жаль, что им довелось видеть мать в таком состоянии...*

Чарли: *Ну, они и прежде много чего видели. Просто до такого раньше не доходило...*

Астрид: *Мне хотелось обнять их. Хотелось вытащить их оттуда и самой полететь к тебе, но там царил такой хаос!*

Чарли: *Тебе самой нужны объятия.*

Астрид: *Мм... было бы мило.*

Чарли: *Я не знаю, как ты терпишь меня и все то дерьмо, которое происходит.*

Астрид: *Могу сказать то же самое о тебе.*

Чарли: *Ну, у вас там не такой дурдом, как у меня.*

Астрид: *Просто подожди немного. Бабушка плоха, и неизвестно, чем все это обернется. Ожидая вторжения родни на этой неделе, ничего хорошего не предвидится.*

Чарли: *Типа как в «Американской семейке»?*

Астрид: *Скорее уж как в «Игре престолов». Красная свадьба!*²⁸

Чарли: *Ох! Кстати, о свадьбах – кто-то в курсе наших планов?*

Астрид: *Пока нет. Но я думаю, это отличная возможность начать готовить родных... чтобы самые близкие узнали, что я развожусь с Майклом и в моей жизни появился новый мужчина...*

Чарли: *А у тебя новый мужчина?*

Астрид: *Ага, его зовут Джон Сноу.*

Чарли: *Жаль тебя расстраивать, но Джон Сноу мертв*²⁹.

Астрид: *Нет! Вот увидишь! ☺*

Чарли: *Серьезно. Я буду рядом, если хочешь. Приехать?*

Астрид: *Нет, все нормально. Ты нужен Хлои и Дельфине.*

Чарли: *Ты нужна мне. Я в любой момент могу отправить*

²⁸ Красная свадьба – резня, устроенная Уолдером Фреем в качестве мести Роббу Старку за то, что тот не сдержал обещание жениться на одной из его дочерей.

²⁹ В 2015 году мир был наиболее озабочен тем, чтобы выяснить, будет ли экономика продолжать восстанавливаться, как предотвратить вспышку лихорадки Эбола в Африке, чтобы не началась пандемия, где террористы ИГИЛ нанесут следующий удар после ужасных терактов в Париже, как помочь Непалу после разрушительных землетрясений, кто станет лидером в следующей президентской кампании в США и действительно ли Джон Сноу, один из героев телесериала «Игра престолов», погиб в финале сезона. – Примеч. автора.

за тобой самолет.

Астрид: Давай посмотрим, что будет дальше у меня дома, а потом сможем строить планы...

Чарли: Буду считать минуты...

Астрид: Я тоже. Целую!

Рю Буасси д'Англа, Париж

Она стояла на приподнятой зеркальной платформе посреди элегантно обставленного ателье Джамбаттисты Валли, уставившись на сверкающую люстру и стараясь не шевелиться, пока две швеи тщательно прикалывали для подгонки подол нежной юбки из тюля. Глянув в окно, она увидела маленького мальчика с воздушным шаром, шагающего по мощеной улице. Интересно, куда он направляется?

Мужчина с барочной ниткой жемчуга на шее улыбнулся ей:

– Vambolina³⁰, ты не могла бы повернуться?

Она развернулась, а женщины, порхавшие вокруг нее, охали и ахали.

– J'adore!³¹ – обмерла Джорджина.

– О Джамба, ты был прав! Всего на два дюйма короче – и посмотрите, как юбка оживает. Будто цветок, расцветающий прямо у нас на глазах!

– Как пион! – выдохнула Татьяна.

– Я думаю, на создание этого платья меня вдохновили лютики, – заявил дизайнер.

³⁰ Куколка (*ит.*).

³¹ Здесь: восхитительно! (*фр.*)

– Я не знаю, что это за цветок. Но, Джамба, ты гений! Абсолютный гений! – похвалила Татьяна.

Джорджина обошла платформу, разглядывая платье со всех сторон:

– Когда Китти впервые сказала мне, что это платье от-кутюр обойдется в сто семьдесят пять тысяч евро, я, надо признаться, была несколько удивлена, но теперь считаю, что оно стоит каждого цента.

– Да, я тоже так думаю, – тихо пробормотала Китти, оценивая платье длиной до середины икры в зеркале, прислоненном к стене. Зеркало представляло собой образец стиля рококо. – Жизель, тебе нравится?

– Да, мамочка, – отозвалась пятилетняя девочка.

Она устала стоять там в платье под софитом, свет которого был направлен сверху прямо на нее, и задавалась вопросом, когда сможет получить награду. Мама пообещала большую порцию мороженого, если Жизель будет стоять неподвижно во время примерки.

– Хорошо! – сказала Китти, глядя на помощника Джамбаттисты Валли. – Нам нужно три таких.

– Три? – Высокий парень удивленно посмотрел на Китти.

– Конечно. Я покупаю все наряды для себя и Жизель по три экземпляра – по одному для каждого гардероба в Сингапуре, Шанхае и Беверли-Хиллз. И этот должен быть готов к вечеринке по случаю ее дня рождения в Сингапуре первого марта...

– Конечно, синьора Бин, – вмешался Джамбаттиста. – Теперь, дамы, надеюсь, вы не будете возражать, если я оставлю Люка, чтобы он показал вам новую коллекцию. Я спешу на встречу с фэшн-директором универмага «Сакс».

Женщины послали воздушный поцелуй вслед дизайнеру. Жизель с няней отправили купить мороженое за углом, в шоу-рум принесли еще «Вдову Клико» и эспresso, и Китти с довольным вздохом растянулась в элегантном шезлонге. Она в Париже всего второй день, а ей уже все здесь нравится! Она приехала сюда на шопинг со своими лучшими сингапурскими подругами: Венди Меггахарто, Татьяной Саварен и Джорджиной Тин, – и в этой поездке все было иначе.

С того момента, как Китти сошла по трапу «Тренты», VIP-самолета «Боинг-747-81», который недавно отреставрировала, чтобы интерьер выглядел точно так же, как шанхайский бордель в фильме Вонг Карвая³², ей на каждом шагу оказывали немислимое преклонение. Когда автоколонна «роллс-ройсов» прибыла в отель «Пенинсьюла», все руководство выстроилось в очередь, чтобы приветствовать новых гостей, а генеральный директор лично проводил Китти до президентского люкса. Когда они пошли обедать в «Ледуайен», официанты кланялись так усердно, что Китти казалось: они вот-вот сделают сальто через голову. А вчера во время

³² См. фильм «Великий мастер». Лично мне больше нравится другая его картина, «Любовное настроение», но декорации были потрясающими. – *Примеч. автора.*

примерки одежды от «Шанель» на рю Камбон *сам личный помощник Карла Лагерфельда спустился вниз с запиской, сделанной рукой великого дизайнера!*

Китти понимала: все эти королевские почести обрушились на нее, потому что на сей раз она приехала в Париж в статусе миссис Джек Бин. Она перестала быть просто женой не пойми какого миллиардера, теперь она новая супруга второго человека в списке самых богатых жителей Китая³³ и одного из десяти самых богатых людей в мире. Кто бы мог подумать, что Понг Лили, дочь дворников из Цинхая, достигла таких больших высот в сравнительно молодом возрасте – в тридцать четыре года (хотя Китти уверяла всех, что ей тридцать). Не то чтобы это было легко – Китти без передышки трудилась всю жизнь, чтобы оказаться здесь.

Ее мать происходила из образованной семьи среднего класса, но была выслана со своей родней в сельскую местность во время Большого скачка³⁴. Она внушала Китти, что образование – единственный путь вверх. Всю юность Китти пахала, чтобы быть лучшей в классе, лучшей в школе, лучшей на государственных экзаменах, и в конечном счете единственный шанс получить достойный диплом увели у нее из-под носа. Какому-то мальчику с правильными связями до-

³³ Или третьего (четвертого, седьмого) в зависимости от того, какому финансовому таблоиду вы доверяете. – *Примеч. автора.*

³⁴ *Большой скачок* – экономическая и политическая кампания в Китае с 1958 по 1960 год, нацеленная на укрепление индустриальной базы и резкий подъем экономики страны и имевшая трагические последствия для китайского народа.

сталось «в награду» единственное место в университете от их округа. Место, которое по праву должно было принадлежать ей.

Но Китти не сдавалась, она продолжала сражаться: переехала сначала в Шэньчжэнь, чтобы работать в караоке-баре, где занималась всякими непотребствами, а затем в Гонконг, где сперва получила небольшую роль в местной мыльной опере, а потом закрепила за собой роль любовницы режиссера. Китти встречалась с несколькими довольно незначительными мужчинами, пока не познакомилась с Алистером Чэном, милым, даже слишком милым невежественным мальчиком, отправилась с ним на свадьбу Колина Ху, подцепила там Бернарда Тая, сбежала с ним в Вегас, выскочила за него замуж, чтобы познакомиться с Джеком Бином на похоронах своего свекра. Затем Китти развелась с Бернардом и наконец, наконец-то вышла замуж за Джека – человека, который действительно стоил всех этих стараний.

И теперь, когда Китти подарила Джеку первого сына³⁵ (Гарвард Бин, 2013 года рождения), она могла делать все, что душе угодно. Она могла улететь в Париж на своем личном «джамбо»³⁶ с одним французским переводчиком, двумя детьми, тремя сказочными подружками (все такие же подтянутые и нарядные, как и она, как на подбор жены бога-

³⁵ Для китайцев очень важно рождение именно мальчика.

³⁶ «Джамбо» – так называют «Боинг-747» (Джамбо – кличка слона, жившего в конце XIX века в Лондонском зоопарке).

тых экспатов из Шанхая, Гонконга и Сингапура), четырьмя нянями, пятью личными горничными и шестью телохранителями, чтобы снять весь верхний этаж отеля «Пенинсьюла» (что она и сделала). Она могла позволить себе заказать всю коллекцию осень – зима от «Шанель» и пошить каждый наряд в трех экземплярах (она сделала и это). А еще Китти могла отправиться на экскурсию по Версалию с главным куратором, после чего пообедать на свежем воздухе, вкушая блюда, приготовленные Янником Аллено³⁷, в деревне Марии-Антуанетты (такая программа была намечена на завтра благодаря Оливеру Цяню, который все это организовал). Если бы о Китти написали книгу, никто бы не поверил в эту историю.

Китти потягивала шампанское, разглядывала вечерние туалеты, которые выставляли перед ней напоказ, и немного скучала. Да, это очень красиво, но все платья после десятого стали казаться одинаковыми. Бывает ли передозировка красоты? Китти могла купить всю коллекцию во сне и забыть, что она вообще у нее есть. Нет, ей нужно что-то большее. Пора выбраться отсюда и, может быть, присмотреть себе какие-нибудь замбийские изумруды...

Люка заметил, что Китти заскучала. Ему было знакомо это выражение лица. Он часто наблюдал, как вдруг начинали кукситься самые привилегированные клиентки, женщи-

³⁷ *Янник Аллено* – французский шеф-повар, награжденный тремя мишленовскими звездами.

ны, которые имели постоянный неограниченный доступ ко всему, чего желало их сердце, – наследницы, знаменитости, принцессы – словом, все те, кто сидел на этом самом месте. Он знал, что нужно оживить атмосферу в зале, чтобы снова вдохновить богатую покупательницу.

– Дамы, позвольте мне показать вам нечто особенное – над этим Джамба трудился неделями! – Люка нажал на одну из стеновых панелей буазери, открывая внутреннее святилище Джамбаттисты: скрытую от посторонних глаз мастерскую, где на манекене висело платье. – Этот наряд вдохновлен «Портретом Адели Блох-Бауэр I» кисти Густава. Вы знаете эту картину? «Золотую Адель»? Ее купил за сто тридцать пять миллионов долларов Рональд Лаудер, и теперь она висит в нью-йоркской Новой галерее.

«Дамы» с недоверием уставились на шедевр – вечернее платье с открытыми плечами, в котором лиф из тюля цвета слоновой кости переходил в мерцающую юбку-каскад с длинным шлейфом, расшитым золотыми блестками, кусочками лазурита и драгоценными камнями, кропотливо собранными в закручивающийся мозаичный узор. Это действительно выглядело как ожившее полотно Климта.

– Господи! Оно невероятное! – взвизгнула Джорджина, проводя длинным наманикюренным ногтем по инкрустированному драгоценными камнями лифу.

– Ravissement! Combien?³⁸ – прокомментировала Татьяна

³⁸ Восторг! Сколько? (*фр.*)

на, весьма самонадеянно пытаясь продемонстрировать программу средней школы по французскому.

– Цена пока не назначена. Это специальный заказ, для выполнения которого пришлось нанять четырех вышивальщиц на три месяца на полный рабочий день, и у нас впереди еще несколько недель работы. Я бы сказал, что это платье со всеми дисками из розового золота и драгоценными камнями обойдется покупательнице в два с половиной миллиона евро.

Китти устала на платье, ее сердце внезапно заколотилось сладко-сладко, как бывало всякий раз, когда она видела что-то действительно возбуждающее.

– Я хочу его!

– О, мадам Бин, мне очень жаль, но это платье уже обещано другой клиентке. – Люка виновато улыбнулся.

– Ну сшейте еще одно. То есть еще три, конечно.

– Боюсь, мы не сможем сшить точно такое же платье.

Китти недоумевающе посмотрела на него:

– О, я уверена, что сможете.

– Мадам, я надеюсь, вы поймете... Джамба был бы рад создать для вас другое великолепное платье в той же манере, а именно эту модель повторить нельзя. Это единственное в своем роде произведение, созданное для нашей особой клиентки. Она тоже из Китая...

– Я не из Китая. Я из Сингапура!³⁹ – заявила Китти.

³⁹ Китти жила в Сингапуре в течение двух лет, и то не постоянно, но, как и многие другие иммигранты из материкового Китая, называла его своим домом. –

– И что это за «особая клиентка»? – потребовала ответа Венди, ее густая грива бронзового оттенка а-ля Бейонсе дрожала от негодования.

– Какая-то подруга Джамбы. Я знаю только ее имя – Колетт.

Девушки внезапно умолкли, не решаясь озвучить уточняющий вопрос, который нужно было задать. Наконец заговорила Венди:

– Э-э-э... вы говорите о Колетт Бин?

– Я не уверен, что это ее фамилия. Погодите, я проверю спецификацию. – Он перевернул страницу. – И правда, Бин! Какое совпадение! Вы родственники, мадам Бин? – спросил Люка.

Китти выглядела как олень, попавший в свет фар. Люка шутит. Он же наверняка должен знать, что Колетт – дочь ее мужа от первого брака.

Тут быстро встряла Татьяна:

– Нет. Но мы знаем ее.

– А то! – фыркнула Венди.

Она размышляла, стоит ли рассказать, что тирада, в которой Колетт предстала настоящей сукой, набрала тридцать шесть миллионов просмотров только в «Вичате»⁴⁰, сделав ее печально известным олицетворением дурно воспитанных

Примеч. автора.

⁴⁰ «Вичат» – китайский мессенджер.

отпрысков фуэрдай⁴¹, и она была вынуждена бежать в Лондон с позором. Венди решила, что лучше всего этого сейчас не рассказывать.

– Значит, это платье для Колетт, – протянула Китти, поглаживая рукав, похожий на паутинку.

– Да, ее свадебное платье. – Люка улыбнулся.

Китти ошеломленно вскинула голову:

– Колетт выходит замуж?

– О да, мадам, все в городе только об этом и говорят. Она выходит замуж за Люсьена Монтегю-Скотта.

– Монтегю-Скотт? Чем занимается его семья? – спросила Венди, поскольку центром притяжения ее вселенной было невероятно богатое индонезийское семейство.

– Я ничего не знаю о его семье, но сам он вроде юрист, – сказал Люка.

Татьяна сразу начала гуглить его имя и прочитала вслух первую появившуюся ссылку:

– «Люсьен Монтегю-Скотт – один из британских юристов-экологов нового поколения. Выпускник колледжа Магдалины...»

– Название произносится как «Модлин», – поправила Джорджина.

– «...в Оксфорде. Люсьен проплыл через Тихий океан

⁴¹ Так на китайском называются богачи во втором поколении, этот ярлык сродни термину «детки целевых фондов» и передает презрение и зависть. – *Примеч. автора.*

на катамаране, сделанном из двенадцати с половиной тысяч утилизированных пластиковых бутылок, вместе со своим другом Дэвидом Майером де Ротшильдом, чтобы привлечь общественное внимание к проблеме загрязнения морской среды. Совсем недавно он освещал экологический кризис в Индонезии и на Борнео...»

– Мне кажется, я сейчас усну, – усмехнулась Татьяна.

– Очень обаятельный джентльмен, приходит с ней на каждую примерку, – заметил Люка.

– Я не могу себе представить, почему в итоге Колетт Бин из всех людей на планете выбрала этого парня. Он даже не юрист по слияниям и поглощениям, так что его годовой зарплаты, вероятно, не хватит и на одно такое платье! Полагаю, она отчаянно хочет родить детей-полукровок, – хмыкнула Джорджина, тайком поглядывая на Китти в надежде, что та не слишком расстроилась из-за новостей.

А Китти просто смотрела на платье с непроницаемым выражением лица.

– О-о-о! Я тоже хочу красивых детей-полукровок! Люка, у тебя есть на примете какой-нибудь сексуальный французский граф или парочка?

– Извините, мадемуазель. Единственный мой знакомый граф женат.

– Это нормально... Я тоже замужем, но с радостью бросила бы скучного муженька ради хорошенького ребенка, наполовину французика! – хихикнула Венди.

– Венди, осторожнее со своими желаниями. Никогда не знаешь, кто у тебя родится, – одернула подругу Татьяна.

– Не-е-е, если залететь от белого мужика, то почти гарантированно родишь хорошенького малыша. Девяносто девять шансов из ста, что он будет выглядеть как Киану Ривз. Поэтому столько азиатских женщин отчаянно ищут белых мужей.

– Во-первых, Киану не наполовину белый, а примерно на три четверти. Его мать с Гавайев, а отец – американец⁴². Не хочу снимать с тебя розовые очки, но я видела несколько довольно неудачных отпрысков смешанной крови, – настаивала Джорджина.

– Да, но это такая редкость! И всякий раз такая трагедия! О боже, вы слышали о том китайском парне, который подал в суд на жену, потому что у них родились страшенькие дети? Он специально женился на красотке, но оказалось, что она полностью перекроила себя до встречи с ним! Так что все дети выглядели, как она до операции! – Венди прыснула.

– Та история была фейком! – возразила Татьяна. – Помню, когда новость стала вирусной, то оказалось, что газетчики все это придумали и устроили поддельную фотосессию с двумя моделями, позирующими с кучей уродливых детей.

Считая тему непривлекательных детей ужасно неприят-

⁴² На самом деле Киану Ривз родился в Бейруте, Ливан, в семье матери-англичанки и отца, в жилах которого текла гавайская, китайская и английская кровь. – *Примеч. автора.*

ной, Люка попытался направить разговор в другое русло:

– Мне кажется, что у меся Люсьена и мадемуазель Колетт родятся очаровательные дети. Они оба такие красивые.

– Ну, рада за них, – буркнула Китти. – После всех этих разговоров про детей мне захотелось посмотреть дневные наряды для Жизель. Можно? А еще... есть у вас что-то забавное в стиле унисекс, чтобы одеть Гарварда?

– Oui, madame⁴³.

Когда они направились обратно в главный шоу-рум, Джорджина взяла помощника Джамбы под руку:

– Скажите мне, Люка, а вы живете на втором этаже?

Тот без промедления ответил с усмешкой:

– Да, мадемуазель, я думаю, вы видели меня раньше.

Венди и Татьяна, остановившись в дверях, наблюдали за Китти, которая задержалась у платья еще на пару секунд. Повернувшись, чтобы уйти, она схватила заднюю часть великолепной юбки, вдохновленной творчеством Климта, и быстро с силой дернула, разорвав ее посередине.

⁴³ Да, мадам (фр.).

Нассим-роуд, 11, Сингапур

Проходящая через сердце района Букит-Тимах Нассим-роуд была одной из немногих длинных живописных улиц в Сингапуре, которые все еще хранили дух Старого Света, с его неповторимым очарованием. Здесь можно было увидеть настоящий парад исторических особняков, превращенных в посольства, современные тропические бунгало на подстриженных лужайках и величественные черно-белые особняки колониальной эпохи. Дом № 11 на Нассим-роуд был прекрасным образчиком черно-белой архитектуры, и с момента постройки столетие назад хозяева сменились лишь единожды. Первоначально его отстроили по заказу фирмы «Бустед энд компани», а в 1918 году дом приобрели Леонги, и с тех пор каждая оригинальная деталь с любовью сохранялась тремя поколениями этой семьи.

Когда Астрид по длинной аллее, обсаженной итальянскими кипарисами, подъехала к дому своего детства, парадная дверь открылась, на пороге возник дворецкий Лиат и сделал приглашающий жест. Астрид нахмурилась – она пришла забрать мать, чтобы вместе с ней навестить бабушку в больнице, и они уже опаздывали на утреннюю встречу с профессором Уоном. Оставив свою темно-синюю «акуру» под арочным навесом перед входом в здание, Астрид вошла в

холл и натолкнулась на свою невестку Кэтлин, которая сидела на стуле из розового дерева и шнуровала прогулочные туфли.

– Доброе утро, Кэт, – поздоровалась Астрид.

Кэтлин посмотрела на нее со странным выражением лица.

– Они еще едят. Ты уверена, что хочешь сегодня там показаться?

Астрид решила, что Кэтлин говорит о фиаско Изабель У накануне вечером. Всеобщее внимание было приковано к бабушке, и родители не упомянули о случившемся, но Астрид понимала, что это ненадолго.

– Думаю, сейчас или никогда, – сказала Астрид и направилась в зал для завтраков.

– Бог в помощь! – проворковала Кэтлин, схватив потрепанную сумку для покупок «Джонс Гроцер»⁴⁴, и выскочила за дверь.

Завтрак на Нассим-роуд всегда подавали на застекленной летней веранде, примыкающей к гостиной. Веранда была одним из самых приятных помещений в доме: круглый тиковый стол с мраморной столешницей, из Голландской Ост-Индии, плетеные стулья с обивкой из ситца с узором в ви-

⁴⁴ Кэтлин Ка-Леонг, жена Генри, старшего сына Гарри и Фелисити Леонг, гордится своей бережливостью. Она партнер в самой уважаемой юридической фирме в Сингапуре, но ежедневно ездит на работу на общественном автобусе. Кэтлин, внучка покойного банковского магната, возит юридические документы в полиэтиленовом пакете из местного гастронома, хотя вполне может позволить себе купить «Гояр». (Не сумку, а компанию.) – *Примеч. автора.*

де обезьянок и множество висячих папоротников из теплиц Тайерсаль-парка. Когда Астрид вошла, ее старший брат Генри испепелил ее взглядом и вскочил из-за стола, чтобы уйти. Он пробормотал что-то себе под нос, проходя мимо, но Астрид не разобрала слов. Сначала она взглянула на отца, который, сидя в своем обычном плетеном кресле, намазывал кусочек тоста липкой пастой мармайт, а затем на мать – та комкала бумажную салфетку перед нетронутой миской с кашей. Лицо Фелисити покраснело и опухло от слез.

– Боже мой, что-то с бабушкой? – с тревогой спросила Астрид.

– Ах! Я думаю, лучше задать вопрос так: прикончишь ли ты свою бабушку, у которой случится еще один сердечный приступ, когда она прочитает *это*? – Фелисити с отвращением бросила на столешницу лист бумаги.

Астрид в смятении схватила его. Это была распечатка самой популярной в Азии колонки сплетен:

ЕЖЕДНЕВНАЯ ВКУСНЯШКА ОТ ЛЕОНАРДО ЛАЯ

*Очаровательная наследница
стала мишенью для метания супа*

Вниманию тех, кто следит за жаркими разборками,

которые чуть не привели к международному скандалу между Малайзией и Гонконгом: вспомните инцидент с участием **Изабель У**, жены миллиардера **Чарли У**, и пристегните ремни безопасности, потому что у меня для вас шокирующие новости! Все мы знаем, что Чарли и Изабель объявили о своем расставании в 2013 году, и мои источники сообщают, что с тех пор У обсуждают между собой условия развода. На карту поставлена доля семейного состояния, особняк на Пик-роуд и права на опеку над двумя дочерьми. Близкий друг Изабель рассказал мне: «Ей было ужасно плохо. Недавно у нее произошел срыв из-за эмоционального стресса и другой женщины, с которой у Чарли роман».

Да, вы все правильно расслышали. Сенсация № 1: теперь мы можем подтвердить, что эта другая женщина — не кто иная, как **Астрид Леонг-Тео**, симпатичная женушка сингапурского венчурного капиталиста **Майкла Тео** (ой, кажется, я не упомянул, что он был моделью в рекламе белья от Кельвина Кляйна) и мать семилетнего мальчика **Кассиуса**.

Да, у Чарли и Астрид последние пять лет были жаркие отношения. А вот и сенсация № 2: этот невероятный дом, который знаменитый архитектор **Том Кундиг** возводит сейчас в Сэкьюу (все думали, что это новый частный музей **Лео Мина**), станет любовным гнездышком для Чарли и Астрид, как только они смогут ворковать на законных основаниях! (Астрид и Майкл, видимо, тоже направляются в суд по бракоразводным делам.)

Возможно, гонконгские читатели не знают, кто такая сногшибательная соблазнительница, но у нее необыкновенная родословная: согласно моему доверенному инсайдеру в Сингапуре, Астрид – единственная дочь **Гарри Леонга**, официально занимающего пост почетного председателя Института по делам АСЕАН. Неофициально же он – одна из самых влиятельных политических фигур Сингапура, этакий серый кардинал, как докладывают мои источники. Гарри Леонг также возглавляет частную компанию с ограниченной ответственностью «СК Леонг холдинг». Этот таинственный корпоративный гигант, по слухам, владеет Банком Борнео, «Селангор майнинг», «Нью-Малайзия пост» и «Палмкор Берхэд», одним из крупнейших в мире сырьевых трейдеров. И это еще не все! Мать Астрид, **Фелисити Янг**, родилась в одной из самых именитых семей Сингапура. «Янги крутятся в собственной солнечной системе. Будучи двоюродными родственниками Цяней, Танов и Шанов, они связаны узами родства почти со всеми, кто хоть что-то собой представляет, а матери Фелисити, **Шан Суи**, принадлежит Тайерсаль-парк, крупнейшее частное поместье в Сингапуре», сообщает мой инсайдер.

Получив образование в Лондоне и Париже, Астрид вращается в аристократических кругах и причисляет к своим друзьям свергнутых европейских королевских особ, самых знаменитых дизайнеров и художников. «Как Изабель может конкурировать с ней? Иззи не какая-то богатая до неприличия наследница, она

строит карьеру правозащитника, помогая бедным и ущемленным в правах гонконгцам, и занята воспитанием в одиночку двух дочерей, ей некогда колесить по миру и сидеть в первых рядах модных показов. Неудивительно, что она терпит крах! Конечно, Чарли с головой поглотила мегагламурная жизнь Астрид, ведь когда-то он уже клюнул на ее крючок».

Что плавно подводит нас к сенсации № 3! Оказывается, во времена учебы в колледже Астрид и Чарли были помолвлены, но ее семья настояла на расторжении помолвки, потому что эти снобс-сингапурцы сочли какого-то там У из Гонконга недостойным руки их дочери. Похоже, несчастные влюбленные никогда не забывали друг друга, что послужило причиной безобразной сцены. Оставайтесь с нами на «Ежедневной вкусняшке», вас ждет еще больше сенсаций!

Астрид опустилась на стул, пытаясь прийти в себя после прочтения провокационной колонки. Она была так расстроена, что не знала, с чего начать.

– Кто послал тебе это?

– Да какая разница! Эта новость сейчас везде. Все знают, что твой брак на грани, и это твоя вина! – Фелисити застонала.

– Да ладно тебе, мама. Ты же знаешь, что это не моя вина. Ведь последние пару лет, пока мы готовились к разводу, я соблюдала максимальную осторожность и секретность. Эта

статейка – поток явных ляпов и лжи. Когда я сидела в первом ряду на показах мод? Слушай, я всегда за кулисами, а эти болваны даже имя Кассиана исковеркали.

– То есть ты все отрицаешь?! И ты не крутишь роман с Чарли У?!

Астрид протяжно вздохнула:

– Но не пять же лет. Мы с Чарли вместе всего полтора года, и все началось после того, как я ушла от Майкла, а он подал на развод с Изабель.

– Значит, правда! Вот почему Изабель У взбесилась и попыталась напасть на тебя... Ты разрушила ее брак... ее семью... – бормотала Фелисити сквозь слезы.

– Мам, их брак с Изабель не задался с самого начала. Я не имею никакого отношения к их разрыву. Если хочешь знать правду, то Изабель на протяжении долгих лет изменяла Чарли, и не с одним мужчиной...

– И все равно у тебя нет оправданий, чтобы строить из себя Анну Каренину. Ты изменяешь мужу! Вы оба все еще состоите в браке с другими в глазах закона и Господа. Боже, что подумает епископ Си, когда узнает об этом...

Астрид закатила глаза. Лично ей было пофиг, что там подумает епископ.

– И что теперь? Вы с Чарли переедете после развода в «любовное гнездышко» и станете жить во грехе?!

– Очередная ложь! Никакое это не любовное гнездышко. Чарли начал строить дом задолго до того, как мы сошлись.

Он купил землю после первого разрыва с Изабель – четыре года назад! – Астрид сделала вдох и собралась с силами. Пора все рассказать начистоту родителям. – Но, думаю, вам стоит знать, что мы с Чарли действительно собираемся пожениться, когда оформим разводы, и я, скорее всего, буду проводить больше времени в Гонконге.

Фелисити посмотрела на мужа, ожидая его реакции:

– Ты *думаешь*, нам *стоит* знать? То есть ты планируешь в этом году выйти замуж и объявляешь нам о своем решении только сейчас? Поверить не могу, что ты вообще выйдешь за Чарли после такого... Позор... настоящий позор!

– Я правда не вижу в этом ничего позорного, мама. Мы с Чарли любим друг друга. Мы с честью пережили очень сложный период. Просто, к несчастью, так совпало, что у Изабель случился очередной срыв, только и всего.

– Срыв! Она говорила о тебе перед всем миром ужасные непристойности! Я в жизни не испытывала такого унижения! А бедные дамы! Как я теперь взгляну в глаза султану Перавака? Мы чуть не угробили его бедную матушку!!!

– С тетей Зарой все нормально, мам. Я видела сама: ее хиджаб был так плотно усыпан бриллиантами, что внутрь ничего не попало. Скорее, она в шоке оттого, что суп не был халяльным.

– Из-за этого твоего Чарли наши имена изваляли в грязи! – продолжала злиться Фелисити.

Астрид разочарованно вздохнула:

– Я знаю, что ты никогда не любила Чарли и его семью. Именно поэтому ты в первую очередь и настояла на нашем разрыве много лет назад. Но сейчас все изменилось, мам. Никого больше не волнует происхождение У и вся эта ерунда. Они больше не считаются нуворишами. Теперь это вполне влиятельная семья.

– Скажешь тоже! «Влиятельная»! Да отец У Хаоляня торговал соевым соусом, разъезжая на велосипеде!

– Может, они так начинали, но со времен дедушки Чарли проделали долгий путь. Чарли создал одну из самых уважаемых компаний в мире. Посмотри на свой новый телефон – экран, корпус и, я уверена, по крайней мере половина компонентов изготовлены «Майкросистемс У»!

– Меня *бесит* этот телефон! Никогда не умела пользоваться этой глупой штуковиной. Я елозила по экрану пальцем туда-сюда, но не смогла позвонить, вместо этого постоянно всплывало дурацкое видео с какой-то индийской бабкой, поющей колыбельную про маленькую звездочку. Всякий раз, когда я хочу позвонить, приходится просить Лакшми или Падме! – кипела Фелисити.

– Ну, мне жаль, что ты до сих пор не научилась пользоваться своим смартфоном, но это никак не влияет на отношение к семье У в настоящее время. Посмотри, сколько денег миссис У жертвует той церкви на Баркер-роуд...

– У до жути заурядны – и лишний раз доказывают это, жертвуя церкви непристойные суммы. Они думают, что гряз-

ные деньги могут купить им место в раю!

Астрид только покачала головой:

– Ты обвиняешь их без всяких оснований, мама...

– У твоей матери есть основания, – вмешался отец Астрид, подавая голос впервые за это утро. – Посмотри, что случилось. До сегодняшнего дня наша семья могла пользоваться привилегиями конфиденциальности и анонимности. Фамилия Леонг никогда не появлялась в колонках сплетен, и тем более... я даже не знаю, как назвать эту писульку в Интернете...

– И ты винишь в этом Чарли? – Астрид помотала головой, не улавливая логику отца.

– Нет. Я виню тебя. К этому привели твои действия, пусть и неосознанные. Если бы ты не путалась с этими людьми, наша жизнь не оказалась бы в центре внимания...

– Да ладно тебе, пап, ты делаешь из мухи сло...

– ЗАКРОЙ РОТ И НЕ ПЕРЕБИВАЙ МЕНЯ, КОГДА Я ГОВОРЮ! – Гарри с силой ударил кулаком по столу, отчего вздрогнули и Астрид, и Фелисити: они не могли припомнить, когда он в последний раз так повышал голос. – Ты подставила себя под удар, а заодно подставила и скомпрометировала всю семью! На протяжении более двухсот лет никто не рассматривал под лупой наши деловые интересы, а теперь лупы уже наготове. Разве ты не понимаешь, как это отразится на тебе самой? Я не думаю, что ты осознаешь, какой ущерб был причинен не только нам, но и твоей матери. В этой статейке

упомянуты Шаны. А еще назван Тайерсаль-парк. И все это – в самое неподходящее время, когда твоя бабушка сильно болеет. Скажи, как ты посмотришь в глаза дяде Альфреду, когда он приедет сегодня днем?

Астрид на мгновение растерялась, поскольку не думала о последствиях интернет-сплетен, но в конце концов сказала:

– Я сама поговорю с дядей Альфредом, если ты захочешь. Объясню, что произошло.

– Ну, звезды сошлись так, что тебе не придется этого делать. Эту колонку вместе со всем дебильным сайтом стерли.

Астрид удивленно уставилась на отца:

– Статья вправду исчезла?

– Ее стерли с лица земли! Хотя ущерб все равно был причинен. Неясно, сколько народу успело прочесть этот опус, пока его не изъяли из Сети.

– Ох, надеюсь, утечка была минимальной. Спасибо, папочка, что позаботился об этом, – пробормотала Астрид с облегчением.

– Я тут ни при чем. Благодарю своего мужа.

– Статью изъял из Сети Майкл?

– Да. Он купил компанию, которая владела этим адским сайтом, и положил конец всей этой чуши. Вероятно, Майкл впервые сделал хоть что-то полезное, чтобы защитить тебя. Чего я не могу сказать о Чарли У!

Астрид откинулась на спинку стула, чувствуя, как лицо полыхает от гнева. Это дело рук Майкла! Должно быть, он

сам известил родителей о колонке сплетен и, конечно, с радостью заверил, что спас всю их семью. Черт! Вероятно, он и есть «сингапурский инсайдер» Леонардо Лая, наслаждающийся шансом подорвать репутацию Чарли и подставить Астрид.

Западная Четвертая улица, 19, Нью-Йорк

Когда позвонила мама, Рейчел сидела в своем кабинете Нью-Йоркского университета и делила с коллегой Сильвией Ван-Шварц кусок немецкого шоколадного торта из пекарни «Хлеб Эми».

– Привет, мам! Как там Панама? – спросила Рейчел на китайском.

Мама участвовала в традиционном «воссоединении семьи Чу» и вместе со всей родней отправилась в круиз через Панамский канал.

– Не знаю. Я еще ни разу не покидала корабль, – ответила Керри Чу.

– Вы плывете уже четыре дня – и ни одной стоянки не было?

– Нет, корабль причаливал, просто мы не сходили на берег. Никто не хочет! Тетя Джин и тетя Флора желают получить то, за что заплатили, поэтому просто сидят и целыми днями набивают рот у круглосуточного шведского стола. И конечно, дядя Рэй и дядя Уолт больше не разговаривают друг с другом. Торчат в казино, но в противоположных концах зала. Уолт пасется за столами для блек-джека, а Рэй,

возможно, проиграет последнюю рубашку в баккара, но не остановится.

– Ну, дядя Рэй может это себе позволить. – Рейчел хихикнула. Она была очень рада, что в этот раз решила пропустить семейный слет.

– Да! Ты бы видела его жену! Она меняет наряды по четыре раза на дню и каждый вечер щеголяет в разных туалетах и с новыми драгоценностями. Не понимаю, она вообще в курсе, что это круизный лайнер, а не церемония вручения «Оскара»?

– Тетя Белинда просто делает то, что ей нравится, мам.

– Она просто пускает нам пыль в глаза – вот что она делает! И конечно, твоя двоюродная сестра Вивиан каждый раз интересуется, что на ней надето, а Белинда всегда отвечает что-то вроде: «О, это платье я купила в Торонто в „Холт Ренфрю“⁴⁵, а этот наряд от Либераче приобрела на распродаже. Изначально стоил семь с половиной тысяч долларов, уценили до трех»!

– Либераче? Мне кажется, он вообще не шил одежду, мам.

– Ну, тот итальянский дизайнер, которого застрелили в Майами.

– А! *Версаче!*

– Ай-я! Либераче, Версаче – для меня все едино. Если платье не продается в дисконтном универмаге «Росс дресс фор лесс», то мне плевать, что за бренд.

⁴⁵ «Холт Ренфрю» – сеть высококлассных канадских универмагов.

— Ну, я уверена, что тетя Белинда наслаждается вниманием Вивиан. Это единственный человек на круизном лайнере, с кем тетя Белинда может поговорить о высокой моде. — Рейчел откусила от своей порции шоколадного торта.

— Надо было вам с Ником приехать. Все твои двоюродные родственники обожают проводить с вами время. Ты в курсе, что это первый отпуск Вивиан после рождения Олли?

— Я была бы счастлива со всеми повидаться, мам, но даты вашего плавания не совпадали с моим расписанием. А Ника я не могу представить на круизном лайнере. Мне кажется, он сиганет за борт еще до того, как корабль успеет покинуть порт.

— Ха-ха-ха! Твоему мужу по вкусу только личные яхты!

— Нет-нет, ты все неверно поняла. Он бы выбрал трудный и полный лишений поход вместо роскошного круиза. Я скорее представляю его на каком-то экспедиционном фрегате, направляющемся в Антарктиду, или на рыбацкой лодке в Новой Шотландии, но не на плавучем дворце.

— На рыбацкой лодке! Эти богатенькие детки, которые ни в чем не знали недостатка, теперь хотят жить, как будто они бедны. Как, кстати, дела у Ника?

— Нормально. Но у его бабушки на прошлой неделе случился сердечный приступ.

— Ох, правда? Он возвращается в Сингапур?

— Я не знаю, мам. Ты же помнишь, как он напрягается, стоит только упомянуть бабушку.

– Ему нужно поехать. Ты должна убедить его вернуться. Это, возможно, последний шанс повидаться со старой леди.

Внезапно у Рейчел включился внутренний радар.

– Погоди-ка минутку... Ты говорила с мамой Ника, да?

Повисла слишком долгая пауза, после чего Керри сказала.

– Не-е-е-ет. Мы уже сто лет не общались.

– Не ври мне, мама! Только Элинор называет бабушку Ника старой леди!

– Ай-я! Мне тебя не обмануть, ты меня слишком хорошо знаешь. Да, звонила Элинор. Уже несколько раз. И в покое меня не оставит. Она считает, что ты можешь убедить Ника поехать домой.

– Я не могу уговорить Ника делать то, чего он делать не хочет.

– Ты в курсе, что Ник должен был унаследовать тот дом?

– Разумеется, я *в курсе*, мам. Именно из-за меня она его и вычеркнула из завещания. Неужели ты не понимаешь, что я последний человек, который станет его уговаривать вернуться?

– Но его бабушке осталось жить несколько недель. Если он правильно разыграет карты, то все равно сможет получить дом.

– Господи, мам, хватит повторять как попугай за Элинор Янг!

– Ай-я, это не из-за Элинор. Я говорю сейчас как твоя мать. Я думаю о *тебе*! Только представь, как этот дом может

изменить вашу жизнь в лучшую сторону.

– Мам, мы живем в Нью-Йорке, и этот дом не сможет изменить нашу жизнь, разве что придется убирать эту машину – вот это настоящий кошмар!

– А я и не предлагаю вам там поселиться. Продайте его. Это ж целое состояние!

Рейчел закатила глаза:

– Мама, нам уже и так повезло по сравнению с остальными жителями планеты.

– Знаю, знаю. Но только вообрази, как ваша жизнь изменится, если Ник унаследует поместье. Мне говорили: оно стоит сотни миллионов. Это все равно что выиграть в лотерею «Пауэрболл»! Сумасшедшие деньги, вам никогда больше не придется так впахивать.

– Мам, я знаю, что ты могла бы выйти на пенсию несколько лет назад, но тебе нравится то, чем ты занимаешься. Ты же три года подряд становилась лучшим агентом по недвижимости в Купертино.

– Я понимаю, но просто хочу, чтобы ты подумала, как можно распорядиться таким огромным состоянием. Сколько хорошего вы смогли бы сделать с Ником с такими деньжищами! Вроде той китаяночки, которая выскочила за основателя «Фейсбука». Они жертвуют миллиарды. Представь, как, должно быть, гордятся ее родители!

Рейчел взглянула на Сильвию, которая опасно откинулась на спинку стула, потянувшись к торту на кофейном столике.

– Не могу сейчас говорить, мам. А то Сильвия сейчас рухнет и сломает шею.

– Перезвони мне! Нам нужно...

Рейчел нажала отбой как раз в тот момент, когда ее подруга соскребла-таки пальцем кусочек шоколадно-кокосовой глазури и снова уселась прямо.

– Ну ты даешь! Использовать меня как повод закончить телефонный разговор с мамой! – фыркнула Сильвия, обливав палец.

Рейчел улыбнулась:

– Иногда я забываю, что ты говоришь по-китайски.

– И куда лучше, чем ты, моя банановая⁴⁶ подруга! Похоже, твоя мама переключилась в турборежим выедания мозга.

– Да, если она на чем-то заикливается, то не может остановиться.

– Если она хоть немного похожа на мою маманю, то перезвонит вечером и попробует давить на чувство вины.

– Скорее всего, ты права. А значит, надо увидеться за обедом с Ником.

Несколько часов спустя Рейчел и Ник сидели за своим любимым столиком в ресторане «Чай и симпатия». Владелица заведения Никки Перри показала им забавное видео с Кат-

⁴⁶ «Бананами» (желтая шкурка и белая мякоть) называют китайцев, которые при всей своей азиатской внешности слишком увлечены западной культурой. Антипод «банана» – человек-«яйцо» (желток прячется в недрах белка), то есть европеец, искренне полюбивший китайскую культуру.

бертом, ее бульдогом, обед только что подали, был снежный январский полдень, и в уютном зале запотели окна – словом, здесь царила еще более приятная атмосфера, чем обычно, и Рейчел с аппетитом принялась за пирог с курятиной и луком-пореем.

– Отличная идея! Как ты догадалась, что я безумно хочу пойти сюда пообедать? – спросил Ник, приступая к своему любимому сэндвичу с английским беконом, авокадо и томатами.

Воспользовавшись его хорошим настроением, Рейчел сразу перешла к делу:

– Я тут поговорила со своей мамой... Видимо, наши матери пообщались...

– Господи, только не разговоры про внуков!

– Нет, в этот раз про тебя.

– Дай догадаюсь... моя мама заручилась помощью тещи, чтобы убедить меня вернуться в Сингапур.

– Да ты телепат!

Ник закатил глаза:

– Моя мать так предсказуема. Знаешь, мне кажется, ей плевать, что бабушка умирает. Она просто заиклена на том, чтобы я получил поместье. Это ее *raison d'être*⁴⁷.

Рейчел подцепила золотистую корочку куриного пирога вилкой, чтобы вышел пар. Она осторожно пробовала горячий сливочный соус, прежде чем снова заговорить.

⁴⁷ Смысл существования (*фр.*).

– Я никогда не понимала, почему все думают, что дом должен достаться тебе. А как насчет отца или тети? Разве они не имеют больше прав на поместье?

Ник вздохнул:

– А-ма, как ты знаешь, старомодная китаянка. Для нее сын всегда главнее дочерей. Предполагается, что о замужних дочерях заботятся семьи мужей, поэтому Тайерсаль-парк должен перейти к отцу. Это искаженное сочетание архаичных китайских обычаев и британских правил наследования по старшинству.

– Но это же несправедливо, – пробормотала Рейчел.

– Я знаю, но так обстоит дело, и мои тети росли, прекрасно зная, что они в пролете. Имей в виду, каждая из них унаследует свою долю от финансовых активов а-ма, так что будет не так обидно.

– Так почему же ты вдруг стал первым в очередь на поместье?

Ник откинулся на спинку стула.

– Помнишь, когда Жаклин Лин приехала в Нью-Йорк пару лет назад и пригласила меня пообедать на свою яхту?

– О да, две шведские блондинки похитили тебя посреди лекции, – рассмеялась Рейчел.

– Да. Жаклин – крестная дочь а-ма, они всегда были очень близки. Жаклин рассказала мне, что в начале девяностых, когда мой отец решил перебраться в Австралию насовсем, бабушка так разозлилась, что изменила завещание, лишив

его права унаследовать поместье. Она перескочила через поколение, и я стал наследником собственности. Но когда я женился на тебе, она якобы снова переписала завещание.

– И как ты думаешь, кому она хочет отдать Тайерсаль-парк?

– Честно говоря, понятия не имею. Наверное, Эдди или кому-то из двоюродных братьев в Таиланде, а может, и вообще оставит все своим любимым гуайявам. Важно то, что а-ма использует наследство, чтобы контролировать семью. Она меняет завещание по собственной прихоти. Никто не понимает, что она выкинет дальше, и меня это больше не заботит.

Рейчел посмотрела Нику прямо в глаза:

– Вот что я тебе скажу... Я знаю, тебе плевать, что произойдет с бабушкиным наследством, но не притворяйся, что тебе плевать на бабушку. И это единственная причина, по которой ты должен поехать в Сингапур.

Ник уставился в запотевшее окно, избегая взгляда Рейчел. Через пару минут он пробормотал:

– Не знаю... думаю, что в глубине души я все еще сержусь на то, как а-ма обошлась с тобой.

– Ник, пожалуйста, не держи зла на нее из-за меня. Я простила твою бабушку давным-давно.

Ник посмотрел на нее скептически.

Рейчел накрыла его ладонь своей:

– Простила. Честно. Я поняла, что злиться – пустая трата времени, поскольку она меня совсем не знает. Она не да-

ла мне ни единого шанса. Я – девушка, которая появилась невесть откуда и украла сердце ее внука. Но с течением времени я даже ощутила благодарность.

– Благодарность?

– Подумай об этом, Ник. Если бы твоя бабушка не противилась так сильно нашим отношениям, если бы не поддерживала твою маму во всех ее сумасбродных выходках, я бы никогда не нашла своего настоящего отца и никогда не познакомилась бы с Карлтоном.

Ник смягчился при упоминании сводного брата Рейчел:

– Ну, я могу представить, на что была бы похожа жизнь Карлтона, не познакомься он с тобой. Скорее всего, разбил бы уже с десяток машин.

– Господи, даже не говори! К чему я это веду? Думаю, тебе нужно постараться простить бабушку, поскольку обида явно тебя гложет и, если ты не справишься с собой, сожрет изнутри. Помнишь, как говорит этот радиоведущий? «Прощение – подарок, который мы преподносим самим себе». Если ты сможешь жить дальше, так и не увидевшись с бабушкой, флаг тебе в руки. Я не собираюсь насильно запихивать тебя в самолет. Но я думаю, тебе стоит встретиться с ней, ведь она наверняка тоже хочет тебя увидеть, просто слишком гордая, чтобы признаться в этом.

Ник опустил глаза и уставился в чашку с чаем. Блюдце украшал портрет королевы Елизаветы II, и золотые узоры по краю фарфора внезапно напомнили Нику его жизнь в Тайер-

саль-парке... Вот он вместе с бабушкой сидит в богато украшенном французском павильоне восемнадцатого века, возвышающемся над лотосовым прудом. Ему шесть лет, и его учат, как правильно подать чашку чая леди. Ник помнил, каким тяжелым казался чайник из лунцюаньского селадона⁴⁸, когда он осторожно поднимал его над чашкой. *Если дворецкий не замечает, что леди пора долить чай, ты должен сделать это для нее. Никогда не поднимай чашку с блюдца, когда наливаешь чай, и убедись, что носик отвернут от леди*, наставляла бабушка.

Вынырнув из омута воспоминаний, Ник сказал:

– Но мы не можем полететь вдвоем в Сингапур в начале семестра.

– Я и не предлагаю лететь вдвоем. Думаю, ты должен отправиться туда один. У тебя сейчас творческий отпуск, и мы оба знаем, что ты не особо продвинулся в написании книги.

Ник со вздохом откинул волосы со лба обеими руками:

– Сейчас в нашей жизни все так прекрасно... Ты действительно хочешь, чтобы я вернулся в Сингапур и открыл очередной ящик Пандоры?

Рейчел раздраженно покачала головой:

– Ник, посмотри вокруг. Ящик уже открыт! Причем с размаху! И стоял открытым последние четыре года! Тебе нужно

⁴⁸ *Селадон* – ценный вид китайского фарфора; как правило, светло-зеленого оттенка. Лучшими признаны фарфоровые изделия, производимые в уезде Лунцюань.

вернуться и починить этот ящик. Пока не поздно.

Бомбей, Индия

Его ногти напоминали оникс. Идеальной формы и слегка отполированы – всего лишь намек на блеск. Суи никогда прежде не видела таких красиво ухоженных ногтей у мужчины и не могла отвести от них глаз, пока он отсчитывал рупии хозяйке тележки, заваленной яркими свечами и странными фигурами из воска – одни в виде младенцев, другие в виде домов, а некоторые были похожи по форме на руки и ноги.

«Для чего нужны эти восковые фигуры?» – поинтересовалась Суи.

«Люди сжигают их в надежде, что их молитвы будут услышаны. Дети – для тех, кто надеется завести ребенка, дома – для тех, кому нужен новый дом, а больные выбирают ту часть тела, которая у них болит. Если хочешь исцелить сломанную руку, нужно вот это, – сказал он, держа восковую форму руки со сжатым кулаком. – Я купил две свечи в бледно-красном и синем цвете. Самые близкие оттенки, которые я мог найти, чтобы представлять британский флаг».

«Ты должен говорить мне, что делать», – с сомнением протянула Суи.

«Все просто. Ставишь фигурку на алтарь, зажигаешь, читаешь молитву».

Они поднялись на холм с прекрасным видом на Аравий-

ское море. Суи взглянула на внушительный готический фасад базилики Богоматери Горной: «Мне точно позволят войти? Я не католичка».

«Конечно. Я тоже не католик, но здесь рады всем. Если кто-нибудь спросит, что мы здесь делаем, можем сказать: зажигаем свечи для Сингапура. Все в курсе, что там происходит сейчас».

Вытянув руку, он галантно указал на арочные входные двери. Суи вошла в храм, смутившись, оттого что высокие каблуки громко зацокали по черно-белому мраморному полу. Она впервые попала в католическую церковь и с восхищением смотрела на яркие фрески на стенах и слова, выведенные золотом над сводом величественной арки: «Отныне будут ублажать Меня все роды». Главный алтарь напомнил ей алтарь в китайском храме, за исключением того, что вместо статуи Будды стояла деревянная фигура Девы Марии в золотисто-синем одеянии, а в руках она держала совсем крошечного младенца Иисуса⁴⁹.

«Я не знала, что в Индии столько католиков», – шепнула Суи своему спутнику, заметив, что прихожане заполнили первые четыре-пять рядов скамей и некоторые люди молча молятся, преклонив колени.

«Бомбей был португальской колонией в шестнадцатом ве-

⁴⁹ На языке маратхи статуя называется Моти Маули – Жемчужная Мать. Легенда гласит, что статую привезли в Индию в XVI веке иезуиты из Португалии, но ее украли пираты. Однажды рыбаку приснился сон, в котором он увидел статую, плавающую в море, и именно так она была заново открыта. – *Примеч. автора.*

ке, и колонизаторы обратили в свою веру многих местных жителей. Весь этот район, Бандра, считается местным оплотом католицизма».

Суи его слова впечатлили.

«Ты провел здесь всего несколько месяцев, но уже так хорошо знаешь город?»

«Мне нравится исследовать разные районы. В основном я брожу по городу от скуки».

«Жизнь была такой скучной?»

«До твоего приезда – просто тоска», – сказал он, пристально глядя ей в лицо.

Суи опустила глаза, чувствуя, что начинает краснеть. Они шли по поперечному нефу, пока не достигли бокового придела, где мерцали сотни горящих свечей. Он вручил ей красную свечу и осторожно направил ее руку, чтобы она приложила фитилек к огоньку другой свечи. Весь ритуал казался странно романтическим.

«Так. Теперь просто найди свободное место для своей свечи. Где угодно», – произнес он тихо.

Она поставила свечу на самую нижнюю стойку, рядом с огарком. Когда Суи увидела, как пламя начинает разгораться, то подумала об острове, с которого пришлось бежать. Ей все еще хотелось бросить вызов отцу и остаться там. Но она понимала, что следует быть благодарной ему, а не злиться на него, особенно в свете последних новостей. Вчера утром японцы наконец прорвали линию обороны Кранджи –

Джуронг. Японские солдаты, вероятно, заняли уже весь Букит-Тимах и рыскали по району, продвигаясь в центр города.

Она размышляла о том, что могло произойти с Тайерсаль-парком. Разбомбили ли его японцы, или же войска напнулись на поместье и разграбили его?

Суи закрыла глаза и прочитала короткую молитву за тех, кто остался в Тайерсаль-парке, за своих двоюродных сестер и братьев, за теток и дядьев, за друзей, за всех, кто не смог вовремя выбраться с острова. Когда Суи открыла глаза, Джеймс стоял прямо перед ней, так близко, что она, казалось, ощущала на своей коже его теплое дыхание.

«Господи, ты меня напугал!» – ахнула она.

«Хочешь исповедаться?» – спросил он и потянул ее в сторону деревянной кабинки.

«Я не знаю... нужно?» – пробормотала Суи, ее сердце бешено билось.

Она не была уверена, что ей хочется входить в эту темную будку.

«Думаю, сейчас самое время». Он открыл решетку.

Суи вошла в исповедальню, села и удивилась тому, как удобна подушка на скамейке. Подушка была из бархата, и внезапно Суи почувствовала себя как в салоне «испано-сю-изы», которую отец подарил ей на шестнадцатилетие. Каждый раз, когда ее везли по городу, люди с восторгом бежали за машиной. Англичане, жившие в Сингапуре, любопытствовали: что за важная шишка? – и Суи нравилось видеть

их ошеломленные лица, когда из шикарного авто вылезала китайская девчонка. Дети пытались ухватиться за капот, а молодые люди пробовали закинуть через окно розы в надежде привлечь ее внимание.

Окошко исповедальни открылось, и она увидела, что по ту сторону сидит Джеймс, изображающий из себя священника.

«Скажи, дитя мое, грешна ли ты?» – спросил он.

Суи не хотелось ни в чем признаваться, но внезапно губы сами зашевелились: «Да, грешна».

«Я не слышу тебя...»

«Я грешна. У меня грешные мысли о тебе...» И снова слова сорвались с языка, хотя она пыталась держать рот на замке.

«Говори, дитя мое. Ты меня слышишь?»

«Разумеется, слышу. Ты сидишь в одном футе от меня», – раздраженно ответила Суи, и внезапно ослепительно-яркий свет ударил ей прямо в глаза через решетчатый экран.

«Вы меня слышите?» – Джеймс внезапно перешел на «вы», и голос его звучал искаженно, когда он переключился с английского на южноминьский диалект.

Внезапно яркий свет залил все вокруг, и Суи перенеслась из исповедальни базилики Богоматери Горной в Бомбее в больничную палату, а над ней нависло лицо кардиолога.

– Миссис Янг, вы меня слышите?

– Да, – слабо пробормотала она.

– Хорошо, – кивнул профессор Уон. – Вы знаете, где вы?

– В больнице.

– Да, вы в «Маунт Элизабет». У вас были проблемы с сердцем, но нам удалось стабилизировать вас, и я очень рад тому, что ваше состояние улучшается. Нигде не болит?

– Вроде нет.

– Хорошо, и не должно болеть. Мы даем вам постоянную дозу гидрокодона, поэтому вы не должны испытывать никакого дискомфорта. А теперь я позову Фелисити. Она очень хочет вас увидеть.

Фелисити вошла и на цыпочках довольно неловко приблизилась к кровати:

– О мамочка! Наконец-то ты очнулась. Они давали тебе седативные препараты последние два дня, чтобы твое сердце могло передохнуть. Как себя чувствуешь? Ты нас напугала!

– Где Мадри и Патравади?

– Они у дверей палаты. Девушки все время были рядом, хоть ты этого и не знала. Фрэнсис пускает нас по одному.

– Я очень хочу пить.

– Да-да. Это все из-за лекарства, на котором тебя держат, и кислородной трубки в носу. Из-за этого горло пересыхает. Давай-ка нальем тебе водички... – Фелисити огляделась и увидела кувшин с водой на столике. – Хм... Интересно, это отфильтрованная вода или из-под крана? Господи, у них только пластиковые стаканчики. Ты не возражаешь? Я распоряжусь, чтобы нормальные чашки принесли как можно скорее. Не понимаю, почему здесь только пластиковые ста-

канчики. Может, так сразу и не скажешь, но, вообще-то, ты в королевском люксе, построенном для правящей династии Брунея. Мы специально тебя сюда устроили. Боже мой, им нужно завести тут нормальные чашки...

– Да мне все равно, – нетерпеливо перебила ее Суи.

Фелисити плеснула воды в стаканчик, подошла к матери, поднесла стакан к ее губам, а наклонив его, заметила, что руки у нее дрожат.

– Вот же я глупая! Нам нужна соломинка. Мы же не хотим пролить воду на тебя.

Суи выдохнула. Даже в полубормочном состоянии она отметила про себя, что старшая дочь всегда отличалась какой-то нездоровой энергетикой. Фелисити пыталась всем угодить, однако делала это в приторной, подобострастной манере, которая бесила Суи. Фелисити была такой с самого детства. И в кого только она уродилась?

Фелисити нашла пучок соломинок на столике и поспешно вставила одну в стаканчик:

– Вот, так намного лучше.

Поднеся соломинку к губам матери, она взглянула на кардиомонитор и увидела, что цифры постепенно начинают расти: 95... 105... 110. Она поняла, что мать разволновалась из-за нее, и руки снова задрожали. Несколько капель воды брызнуло на подбородок Суи.

– Не дергайся! – прикрикнула та на дочь.

Фелисити крепко держала стакан, внезапно почувствовав

себя десятилетней. Вот она сидит на оттоманке в спальне матери, а одна из тайских служанок заплетает ее волосы в причудливую косу. Стоит немного шевельнуться, и мать начинает стонать от раздражения: «Не дергайся! Сири выполняет очень деликатную работу, одно неверное движение – и ты все испортишь! Хочешь быть единственной девочкой с неопрятной прической на чаепитии у графини Маунтбэттен? На тебя будут все смотреть, потому что ты моя дочь. Хочешь прийти неряхой и опозорить меня?»

Фелисити чувствовала, как вены на ее шее пульсируют при этом воспоминании. Где ее таблетки от давления? Она не могла видеть маму в таком состоянии. Неприятно было даже просто смотреть на ее больничную рубашку и растрепанные волосы. Мама не должна выглядеть неопрятной.

Теперь, когда мама пришла в сознание, надо привезти ей вещи из дому, чтобы она могла нормально одеться, и попросить Саймона причесать ее. А еще немного украшений. Где тот нефритовый амулет, что всегда висел у мамы на груди? Фелисити с тревогой уставилась на кардиомонитор: 112... 115... 120. О боже, боже! Она не хотела отвечать за очередной сердечный приступ. Ей нужно выйти из палаты прямо сейчас.

– Знаешь, Астрид просто умирает, как хочет тебя видеть! – выпалила Фелисити и, потрясенная собственными словами, забрала стакан и скрылась за дверью.

Через несколько мгновений появилась Астрид. Яркий

свет, хлынув из дверного проема, подчеркнул ее силуэт и окружил его ореолом. Казалось, перед Суи возник ангел, и она улыбнулась. Любимая внучка всегда выглядела спокойной и собранной, несмотря ни на что. Сегодня она пришла в бледно-сиреновом платье с заниженной талией и юбкой плиссе. Длинные волосы были собраны в свободный пучок на затылке, а изящные пряди обрамляли лицо, словно у Венеры Боттичелли.

– Ай-я, какой чудесный наряд! – сказала Суи на кантонском: она предпочитала разговаривать с внуками на этом диалекте.

– Ты не узнаешь платье? Одно из твоих платьев от Пуаре⁵⁰ из двадцатых! – сообщила Астрид, присаживаясь у кровати, и взяла бабушку за руку.

– Да, разумеется. Вообще-то, это платье моей мамы. Я сочла его дико старомодным, когда она мне его подарила, но на тебе оно смотрится идеально.

– Жаль, что я не видела прабабушку.

– Она бы тебе понравилась. Моя мама была очень красивой, как и ты. И всегда говорила, что мне не повезло, поскольку я похожа на отца!

– Бабулечка, да ты просто красавица! Ты же в свое время была главной дебютанткой сезона!

– Ну, я не уродлива, но никакого сравнения с мамой не

⁵⁰ *Поль Пуаре* – парижский модельер, влиятельнейшая фигура в мире моды первой четверти XX века.

выдержала бы. Мой старший брат был похож на нее. – Суи коротко вздохнула. – Жаль, что его давно уже нет.

– Ты про двоюродного дедушку Александра?

– Я всегда называла его китайским именем Ацзи. Он был потрясающе красивым и добрым.

– Да, ты говорила.

– Но умер совсем молодым.

– Из-за холеры, да?

Суи помолчала немного, потом сказала:

– Да, в Батавии бушевала эпидемия, когда отец отправил его туда управлять нашими предприятиями. Знаешь, все было бы по-другому для всех нас, если бы Александр выжил.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, для начала он бы не вел себя как Альфред.

Астрид не совсем поняла, что именно подразумевала бабушка, но не хотелось донимать ее расспросами.

– Ты в курсе, что дядя Альфред возвращается домой? Приедет в четверг. Тетя Кэт и тетя Алекс тоже в пути.

– Почему все слетаются? Думают, что я умираю?

– О нет, ну что ты. Просто все хотят тебя видеть! – Астрид беспечно рассмеялась.

– Хм, если это правда, то я хочу домой. Пожалуйста, скажи Фрэнсису, что я желаю поехать домой сегодня же.

– Я не думаю, что тебе сейчас можно домой. Нужно сначала немного подлечиться.

– Бред какой-то! Где сейчас Фрэнсис?

Астрид нажала кнопку рядом с кроватью, и через несколько секунд в палату влетел Фрэнсис Уон в окружении стайки медсестер.

– Все в порядке? – спросил он с беспокойством. Он всегда нервничал, когда дело касалось Суи.

Астрид заметила пятно от соуса чили в уголке его рта и попыталась отвести глаза. Она обратилась к профессору по-английски:

– Бабушка хочет, чтобы ее выписали.

Профессор Уон склонился над своей пациенткой и заговорил на южноминьском:

– Миссис Янг, пока что мы не можем вас отпустить. Для начала вам нужно окрепнуть.

– Я себя отлично чувствую.

– Ну, мы хотим, чтобы ты стала чувствовать себя еще лучше перед выпиской... – перебила Астрид. – Профессор Уон, мне кажется, бабушке будет куда комфортнее дома. Нельзя ли оборудовать для нее комнату в Тайерсаль-парке?

– Это не так просто. Мы можем выйти на минутку? – В голосе доктора звучало беспокойство.

Астрид вышла вслед за ним из палаты, слегка раздраженная тем, что профессор не проявил должной деликатности. Разумеется, теперь бабушка поймет, что они обсуждают в коридоре ее состояние.

Профессор Уон уставился на Астрид. Эта женщина была такой ослепительно красивой, что, даже просто находясь ря-

дом с ней, он начинал нервничать и чувствовал, что в любой момент может потерять контроль и ляпнуть что-нибудь неуместное.

– Астрид... я должен быть откровенным с вами. Состояние вашей бабушки чрезвычайно... нестабильное. На сердце много рубцов, а фрикции... э-э-э... то есть фракция выброса левого желудочка выросла на двадцать семь процентов. Я знаю, это выглядит так, будто ей становится лучше, но вы должны понимать, что мы поддерживаем ее жизнь колоссальными усилиями. Все эти аппараты, к которым она подключена... они необходимы, и ей требуется круглосуточный уход.

– Сколько ей на самом деле осталось?

– Трудно сказать, но речь идет о неделях. Ее сердечная мышца непоправимо изношена, и состояние ухудшается с каждым днем. Она может покинуть нас в любой момент, это правда.

Астрид протяжно выдохнула:

– Ну тогда еще важнее отправить ее домой. Я знаю, что бабушка не хотела бы провести свои последние дни в больнице. Почему нельзя просто перевезти все эти аппараты? Давайте воссоздадим для нее дома такую же палату. Мы можем разместить в поместье вас и весь медицинский персонал.

– Мы никогда не делали ничего подобного. Организовать в частном доме мобильное кардиоотделение интенсивной терапии со всем необходимым оборудованием, а также кругло-

суточно дежурящими врачами и медсестрами – тяжелая задача и очень затратное мероприятие.

Астрид склонила голову, бросив на доктора вкрадчивый взгляд, который отметал все его возражения. *Правда? Нам действительно нужно это обсуждать?*

– Профессор Уон, я думаю, что могу говорить за всю семью. Деньги не проблема. Давайте просто сделаем это, ладно?

– Хорошо, я начну прорабатывать этот вопрос, – кивнул профессор Уон, и лицо его покраснело.

Астрид снова вошла в палату, и Суи улыбнулась ей.

– Я все уладила, бабуля. Тебя перевезут домой как можно скорее. Но сначала там надо все оборудовать.

– Спасибо. От тебя толку куда больше, чем от твоей матери.

– Тсс! Только при ней такого не говори! Да и вообще, тебе нельзя много говорить. Тебе нужно отдохнуть.

– Ох, мне кажется, я уже достаточно отдохнула. Перед самым пробуждением мне приснился твой дедушка, а-е!⁵¹

– Бабушка, а тебе он часто снится?

– Редко. И этот сон был очень странным. Отчасти все происходило как в реальности, потому что мне снились воспоминания о событиях времен войны, когда меня эвакуировали в Бомбей.

– Но ведь дедушки не было в Бомбее. Вы же познакоми-

⁵¹ Дедушка.

лись, когда ты вернулась в Сингапур?

– Ага, когда я приехала домой. – Суи смежила веки и на несколько минут замолчала; Астрид подумала, что бабушка снова заснула, но внезапно та широко раскрыла глаза. – Мне нужна твоя помощь.

Астрид выпрямилась в кресле:

– Конечно же. Что нужно делать?

– Ты должна кое-чем заняться прямо сейчас. Это очень важно...

Тайерсаль-парк, Сингапур

Крышка на эмалированном чайнике загромыхала. А-Лин, старшая экономка, дотянулась до чайника на горячей плите и плеснула немного кипящей воды в кружку. Она расслабилась в кресле и вдохнула мускусный аромат чая индэ, прежде чем сделать первый глоток. Вот уже двадцать лет младший брат каждый год отправлял ей из Китая пакет этого чая, завернутый в слои коричневой бумаги и запечатанный старомодным желтым скотчем. Эти чайные листья росли высоко в горах, и для А-Лин напиток оставался одним из последних связующих звеньев с родными местами.

Как и многие ее ровесницы, Ли А-Лин покинула крошечную деревеньку на окраине округа Индэ, когда ей было всего шестнадцать, и на большой лодке поплыла из Кантона на далекий остров в Наньяне – Южном море.

Она вспомнила, как многие из девушек, набившихся в душную каюту, горько плакали каждую ночь во время плаванья, и А-Лин задавалась вопросом: неужели она плохой человек, раз испытывает не грусть, а волнение? Она всегда мечтала увидеть мир за пределами деревни, и ее не тревожило расставание с родными. В семье жилось несладко: отец умер, когда ей исполнилось двенадцать лет, а мать, казалось, обижалась на А-Лин со дня ее рождения.

Теперь, по крайней мере, она могла хоть как-то смягчить сердце матери: в обмен на скромную сумму, позволившую брату пойти в школу, А-Лин оставила родину, приняла обет безбрачия, который требовали от каждой служанки-ама, и обязалась до конца жизни прислуживать неизвестной семье в чужой, новой для нее стране.

В Сингапуре ее взяли на работу в семью по фамилии Тэй. Супруги в возрасте под сорок с двумя сыновьями и дочерью жили в особняке, и подобной роскоши А-Лин не могла себе даже представить. На самом деле семейство Тэй занимало довольно неприглядное бунгало у Серангун-роуд, но в глазах простой деревенской девчонки оно выглядело как Букингемский дворец. Кроме нее, в доме работали еще три ама – все они служили у Тэев уже много лет. А-Лин была новенькой, так что в течение следующих шести месяцев ее усердно учили мелким премудростям домоводства, и для начала ей предстояло освоить чистку лакированного дерева и серебра.

Однажды самая старшая горничная объявила:

– Миссис Тэй считает, что ты готова. Собирайся, поедешь к Янгам.

Только тогда А-Лин поняла, что время, проведенное в семье Тэй, было своего рода учениями, и она прошла какое-то непонятное испытание. А-Лань, младшая горничная, жившая у Тэев, сказала:

– Тебе повезло. Ты родилась с симпатичной мордашкой и проявила талант в полировании серебра. Так что теперь

едешь в огромный домище! Но смотри там не задирай нос!

А-Лин понятия не имела, что имеет в виду А-Лань, поскольку не могла себе представить дом больше этого. Вскоре она оказалась на пассажирском сиденье «остина-хили». Мистер Тэй вел автомобиль, а миссис Тэй расположилась на заднем сиденье. Ту поездку А-Лин не забудет никогда в жизни. Они выехали на нечто, похожее на дорогу в джунглях, а потом оказались у огромных кованых ворот, окрашенных в светло-серый цвет. Она подумала, что все это ей снится, – так внезапно из ниоткуда возникли эти странные вычурные ворота.

Из караульной будки показался свирепый индийский яга⁵² в накрахмаленной до хруста оливковой форме и ярко-желтом тюрбане. Охранник внимательно рассмотрел прибывших через окно машины, а потом торжественным взмахом руки позволил проехать через ворота. Машина долго-долго петляла по извилистой гравийной дороге, прорезавшей заросли деревьев, а потом вырулила на настоящий проспект, усаженный величественными пальмами. И вот впереди возникло самое великолепное здание, которое А-Лин когда-либо видела.

- Что это за место? – спросила она, внезапно испугавшись.
- Это Тайерсаль-парк, поместье сэра Джеймса Янга. От-

⁵² На хинди означает «сторож», это слово используется для любого охранника. В Тайерсаль-парке, конечно же, служили высококвалифицированные воины-гуркхи, которые могли выпустить кишки противнику всего лишь двумя ударами кинжала. – *Примеч. автора.*

ныне ты будешь работать тут, – сообщила ей миссис Тэй.

– Он губернатор Сингапура? – проговорила А-Лин со страхом.

Она и вообразить не могла, что дом может быть настолько гигантским... Эта махина напоминала одно из величественных старых зданий на набережной Шанхая, которое она когда-то видела на открытке.

– Нет, но Янги куда важнее губернатора.

– А чем занимается мистер... то есть сэр Джеймс?

– Он врач.

– Вот уж не думала, что доктора могут быть такими богатыми.

– Он богатый человек, но дом на самом деле принадлежит его жене Суи.

– Домом владеет леди? – А-Лин никогда не слышала ничего подобного.

– Да, она выросла здесь. Это был дом ее бабушки.

– Он был и моим бабушкой. – Мистер Тэй повернулся к А-Лин с улыбкой.

– Это дом вашего бабушки? Тогда почему вы там не живете? – озадаченно спросила А-Лин.

– А-Лин, перестань задавать столько вопросов! – напустилась на нее миссис Тэй. – Ты узнаешь все об этой семье в свое время. Уверена, другие слуги быстро вывалят тебе все сплетни. Ты быстро поймешь, что здесь всем заправляет Суи. Просто работай в поте лица и никогда ее не огорчай – тогда все

у тебя будет отлично.

Получилось даже лучше, чем просто «отлично». За следующие шестьдесят три года она, когда-то всего лишь одна из двенадцати служанок, стала весьма уважаемой нянькой в семействе Янг. А-Лин помогла воспитать младших дочерей Суи, Викторию и Алекс, а потом и ее внука Ника. Теперь она была старшей экономкой, присматривала за остальной прислугой в доме – численность работников когда-то достигала аж пятидесяти восьми, но последние десять лет в Тайерсаль-парке трудились тридцать два человека. Сегодня, когда А-Лин сидела у себя, пила чай и лакомялась крекерами с арахисовым маслом и вареньем из красной смородины производства знаменитой английской фирмы «Уилкин и сыновья» – одна из западных привычек, которую она переняла у Филиппа Янга, – в окне комнаты внезапно появилось круглое улыбающееся лицо.

– А-Ток! Боже мой, я тут сидела и вспоминала о твоей бабушке, и вдруг ты появился! – ахнула А-Лин.

– Лин-цзе, разве ты не знала, что мне не оставили выбора, кроме как прибыть сегодня днем? Ее императорское высочество вызвала меня, – напомнил ей А-Ток на кантонском.

– Я забыла. Приходится удерживать в голове миллион всяких дел.

– Могу себе представить. Эй, я не хочу усложнять тебе жизнь, но... ты не против? – А-Ток поднял набитую одеждой сумку с логотипом магазина «Метро». – Мамины платья...

– Конечно-конечно, – закивала А-Лин, забирая сумку.

А-Ток приходился двоюродным братом Янгам со стороны Суи⁵³, и А-Лин знала его мать Бернис Тэй еще маленькой девочкой. Бернис была дочерью той пары, которая взяла А-Лин «для обучения», когда она приехала в Сингапур. Бернис регулярно привозила контрабандой свои лучшие наряды в Тайерсаль-парк, понимая, что здесь ими займется целая команда прачек: они выстирают каждое платье вручную, высушат на солнце и отгладят, опрыскивая водой с ароматом лаванды. На всем острове не было более совершенной прачечной.

– Мама хотела, чтобы я показал тебе эту куртку магау...⁵⁴ Крючок оторвался.

– Не волнуйтесь, все пришьем. Узнаю эту старинную куртку. Суи подарила ее твоей маме много лет назад.

Из другой сумки А-Ток достал бутылку китайской водки:

– Вот, от мамы.

– Ай-я, передай матери, что я еще не допила бутылку, которую она передала год назад. Где мне взять время, чтобы насладиться напитком?

– Если бы я управлял этим местом, как ты, то пил бы каж-

⁵³ А-Ток – праправнук Шан Чжаохуэя, деда Шан Суи, но, поскольку он рожден второй из пяти официальных жен патриарха, ни один из потомков ее ветви не унаследовал сколько-нибудь существенного состояния от империи Шанов, и они считаются дальними родственниками, хотя на самом деле не такие уж и дальние. – *Примеч. автора.*

⁵⁴ *Магуа* – куртка традиционного покроя, надевается поверх халата.

дый вечер! – сказал А-Ток со смехом.

– Надо подниматься? – А-Лин встала со стула.

– Конечно. Как сегодня ее императорское высочество?

– Раздражительная, как и всегда.

– Надеюсь, я смогу это исправить, – весело ответил А-Ток.

А-Ток часто бывал в Тайерсаль-парке, и не только потому, что входил в число любимых родственников. Он умел угодить своим более привилегированным кузенам. За последние два десятилетия А-Ток ловко использовал свои семейные связи и основал сайт FiveStarLobang.com, диспетчерский сервис класса люкс, выполнявший прихоти самых избалованных сингапурцев, начиная от приобретения черного «бентли-бентайга» за несколько месяцев до того, как эта тачка появится на рынке, до организации тайной подтяжки задниц для скучающих любовниц.

А-Ток и А-Лин пересекли четырехугольный двор, отделяющий крыло слуг от главного дома, и миновали огород с аккуратными грядками свежих трав и овощей.

– Господи! Только гляньте на красные перчики чили! Уверен, что они о-о-о-очень острые! – воскликнул А-Ток.

– Да. Просто обжигающие! Не забудь потом сорвать парочку для мамы. А еще у нас слишком много базилика, он прямо разросся. Хочешь?

– Не уверен, что мама что-то из него приготовит. Это же трава анг мо⁵⁵, инострашек?

⁵⁵ В южноминьском языке это слово имеет буквальное значение «рыжие воло-

– Мы его кладем во всякие тайские блюда. Тайцы часто используют базилик в своей кулинарии. А иногда ее императорское высочество требует всяких замысловатых иностранных кушаний. Ей нравится этот отвратительный соус песто. На одну маленькую порцию соуса уходит целый стог базилика, а потом она кушает крошечную тарелку пасты лингвини с песто, а остальное выбрасывают.

Мимо них прошмыгнула юная служанка, и А-Лин скомандовала, переключившись на путунхуа:

– Лань Лань, не могла бы ты собрать большой пакет чили, чтобы мистер Тэй отвез домой?

– Конечно, мэм, – пискнула девушка и умчалась прочь.

– Очень милая. Новенькая? – спросил А-Ток.

– Ага. Долго не продержится. Слишком много времени тратится в телефон, даже когда ей этого не позволено. У этих молодых китайнок совсем иное отношение к работе, чем у моего поколения, – пожаловалась А-Лин, провожая А-Тока через кухню, где полдюжины кухарок расселись вокруг огромного деревянного стола и сосредоточенно что-то лепили из кусочков теста.

– *Шиок!*⁵⁶ Они готовят ананасовые тарталетки! – восклик-

сы», этот уничижительный разговорный термин используют для описания чего и кого угодно западного происхождения, для многих китайцев старшего поколения в Сингапуре все западные люди – анг мо коу сай, то есть «рыжее собачье дерьмо». – *Примеч. автора.*

⁵⁶ В сингапурском варианте английского это сленговое восклицание эквивалентно слову «круто». – *Примеч. автора.*

нул А-Ток.

– Да, мы всегда печем целую кучу тарталеток, когда приезжает Альфред Шан.

– Но я слышал, что он привез сингапурского шеф-повара в Англию! Какого-то талантливого хайнаньского парня.

– Да, но тарталетки предпочитает наши. Жалуется, что у Маркуса в Англии получаются не такие... Все из-за того, что мука и вода там другие.

Безумно богатый ублюдок, подумал А-Ток. Он приезжал сюда, сколько себя помнил, однако никогда не переставал восхищаться Тайерсаль-парком. Конечно, А-Току доводилось бывать во многих роскошных, величественных особняках, но никакой другой дом и близко не мог сравниться с поместьем прадеда. Даже кухня производила невероятное впечатление – это была анфилада помещений, напоминающих пещеры со сводчатым потолком и стенами, покрытыми красивой плиткой из майолики; над гигантскими плитами висели ряды мерцающих медных чанов и идеально закаленных от времени сковородок-вок. Это выглядело как кухня какого-то исторического курортного отеля на юге Франции. А-Ток вспомнил, как отец рассказывал ему: «В стародавние времена, еще перед войной, гунгун⁵⁷ любил развлекаться и каждый месяц закатывал в Тайерсаль-парке вечеринки для трехсот человек, но нам, детям, не разрешалось их посещать, поэтому мы обычно разглядывали гостей с балкона, сидя там

⁵⁷ По-кантонски означает «дедушка». – *Примеч. автора.*

прямо в пижамах».

Поднявшись по служебной лестнице на второй этаж, они двинулись по коридору, ведущему в восточное крыло, где А-Ток увидел свою двоюродную сестру Викторию Янг. Она сидела на диване в кабинете, смежном с ее спальней, и просматривала стопки старых бумаг с одной из своих личных служанок. Из детей Суи одна лишь Виктория жила в Тайерсаль-парке, и во многих отношениях она была даже более властной, чем мать, поэтому А-Ток и А-Лин за глаза называли Викторию «ее императорское высочество». А-Ток потоптался в дверях пару минут, но кухня его проигнорировала. Ему было не привыкать к пренебрежительному обращению, поскольку вся его семья вот уже три поколения прислуживала высокопоставленной двоюродной родне, тем не менее он почувствовал себя задетым.

– Линкольн, ты рано. – Виктория наконец на мгновение подняла глаза, чтобы засвидетельствовать его присутствие. Она обратилась к А-Току, назвав его английским именем, и при этом продолжала перебирать какие-то письма. – Эти можно уничтожить, – сказала она, протянув бумаги служанке, и та сразу же скормила их шредеру.

Волосы Виктории, подстриженные до линии подбородка, выглядели еще более седыми и всклокоченными, чем обычно. «Интересно, – усмехнулся про себя А-Ток, – слышала ли она вообще о кондиционере для волос?» На ней был белый лабораторный халат с пятнами краски поверх полиэстеровой

блузки с леопардовым принтом и белых шелковых пижамных штанов. *Если бы она не была урожденной Янг, все бы подумали, что она сбежала из Вудбриджа*⁵⁸. Сытый по горло ожиданием, А-Ток попытался нарушить тишину:

- У тебя тут, похоже, тонны документов!
- Это мамины личные бумаги. Она хочет их уничтожить.
- Хм... ты уверена, что стоит послушаться? Может, кто-то из историков заинтересовался бы письмами двоюродной бабушки Суи?

Виктория нахмурилась, глядя на А-Тока:

- Именно поэтому я просматриваю их все. Некоторые документы мы сохраним для Национального архива или музеев, если это будет уместно. Но все личные бумаги мама хочет уничтожить, прежде чем умрет.

А-Тока поразило, что Виктория сказала о смерти как о чем-то само собой разумеющемся. Он попытался перевести разговор на более приятную тему:

- Тебя это порадует... Все идет по графику. Поставщик

⁵⁸ Первая психиатрическая больница Сингапура, официально известная как Институт психического здоровья, была основана в 1841 году и располагалась тогда на углу Брас-Басах-роуд и Бенкулен-стрит. Сначала она называлась Больницей для безумцев, но в 1861 году учреждение переименовали в Психиатрическую лечебницу, тогда же больница переехала на территорию, расположенную рядом со старым родильным домом Кандан Кербау. В 1928 году было построено новое здание вдоль Ио-Чу-Кан-роуд, и после ряда переименований за лечебницей закрепили название Больница Вудбридж, чтобы избавиться от некоторых предрассудков, связанных с предыдущими названиями. Но для поколений сингапурцев Вудбридж означает только одно: вы окончательно сбрендили. – *Примеч. автора.*

морепродуктов завтра отправляет большой грузовик. Пообещал мне самых лучших лобстеров, гигантских креветок и дандженесских крабов. У них никогда не было такого большого частного заказа.

– Хорошо. – Виктория кивнула.

А-Ток был доволен огромным откатом от поставщика морепродуктов, но все же с трудом верилось, что две тайские невестки его кузины Кэтрин Аакара – второй по старшинству из детей Суи – будут питаться одними только моллюсками.

– И мне удалось приобрести на розлив минеральной воды в Адельбодене, – сообщил А-Ток.

– Воду доставят вовремя?

– Ну, ее везут из Швейцарии, так что это займет около недели...

– Кэт с семьей приедут в четверг. Нельзя было отправить самолетом?

– Так и отправят самолетом.

– Ну, Линкольн, поторопи их. Может, есть какая-нибудь курьерская служба, чтобы получить воду поскорее.

– Это будет стоить целое состояние: за ночь разлить пятьсот галлонов бутилированной воды! – воскликнул А-Ток.

Виктория одарила его взглядом, в котором читалось: *Разве я похожа на человека, которого заботит, сколько это будет стоить?*

В такие моменты А-Ток не мог поверить, что эти люди

приходятся ему родственниками. В голове не уместилось: зачем семейству Аакара всенепременно нужно пить специальную минеральную воду из какого-то малоизвестного источника в Бернском Оберланде, разлитую специально для них? Неужели вода из Сингапура, которая признана официально одной из лучших в мире, недостаточно хороша для этих людей? Или «Перье», ради всего святого? Неужели эти деликатные особы из тайской королевской семьи упадут замертво, если им придется отхлебнуть «Перье»?

– Как дела с помещением? – поинтересовалась Виктория.

– Команда прибудет завтра утром, чтобы все установить. Я также арендовал два дома на колесах, которые мы можем припарковать за стеной французского сада. Там смогут базироваться врачи и медсестры, так как вы не хотите видеть их в доме, – сообщил А-Ток.

– Дело не в том, что мы не хотим видеть их в доме, просто Алекс и Малкольм приедут из Гонконга, а еще Аакара тащат с собой всех своих горничных, поэтому у нас нет места.

А-Ток ушам своим не верил. Это же самый большой частный дом в Сингапуре – А-Ток никогда не мог сосчитать, сколько здесь спален, – а этим фифам не найти места для специальной бригады медиков, которые будут заботиться об умирающей матери?!

– А сколько горничных привозит с собой тетя Кэт?

– Обычно ее сопровождают три личные служанки, пять, если присоединяется Таксин, но с учетом того, что сейчас

приедут все ее сыновья с женами, одному Богу известно, сколько их будет, – вздохнула Виктория.

– Команда из клиники прибыла утром, чтобы оценить обстановку. Специалисты считают, что лучше всего обустроить палату интенсивной терапии в оранжерее, – попытался он урезонить двоюродную сестру.

Виктория с раздражением покачала головой:

– Нет уж. Мама хочет лежать наверху в своей спальне.

В этот момент А-Лин решила, что пора вмешаться:

– Но, Виктория, оранжерея – идеальное место. Не придется переносить госпожу наверх, не говоря уже о генераторах для всей этой аппаратуры. Оранжерея изолирована от шума в служебном крыле, можно поставить все аппараты в соседней столовой, а проводку проложить через двери оранжереи.

– Тут не о чем спорить. Пару лет назад я предложила маме перебраться вниз, чтобы ей не приходилось подниматься по лестнице, и она ответила: «Я никогда не буду спать внизу. Внизу спят слуги. Единственные члены семьи, которые когда-либо спали внизу, делали это в гробу». Поверьте мне, мама надеется, что всю нужную аппаратуру подключат у нее в спальне.

В этот момент в дверь тихонько постучали, и заглянула одна из горничных.

– Что еще?! – взвилась Виктория.

– У меня сообщение для А-Лин, – тихонько пискнула горничная.

– Ну так войди и скажи, в чем дело! Что за манера прятаться за дверью! – принялась распекать девушку Виктория.

– Простите, мэм, – горничная нервно глянула на А-Лин. – Звонила охрана. Вот-вот приедут миссис Александра Чэн с семейством.

– Что значит «вот-вот»?

– Они уже паркуются у дома.

– Сейчас?! Они же должны были приехать не раньше четверга, как и все остальные, – застонала А-Лин.

– Господи! Они что, перепутали даты?! – Виктория кипела от негодования.

А-Лин посмотрела в окно и увидела, что из машины вышли не только Алекс и ее муж Малкольм. К дому подъехали целых шесть авто, и на улицу высыпала вся проклятая семья Чэн: Алистер Чэн, Сесилия Чэн-Монкур, ее муж Тони и сын Джейк. А что это за парень в белоснежном льняном костюме? Господи! Быть того не может! Она в панике уставилась на Викторию:

– Там Эдди!

Теперь застонала Виктория:

– Алекс не предупреждала, что он приедет! Куда мы их поселим?!

– Он не один... С ним Фиона и дети.

– Господи! Он опять закатит скандал и будет требовать, чтоб им выделили Жемчужную спальню, а мы зарезервировали ее для Кэтрин и Таксина, которые приедут в четверг.

А-Лин покачала головой:

– Вообще-то, звонила горничная Кэтрин из Бангкока и сообщила, что в Жемчужную спальню надо поселить Адама с женой.

– Но он же самый младший из сыновей! С какой стати селить его в Жемчужную спальню?

– Оказывается, жена Адама – дочка какого-то принца рангом повыше Таксина, поэтому им должна достаться Жемчужная спальня.

– О да, я и забыла обо всех этих глупых протоколах. Что ж, А-Лин, тебе задание: сообщить новости Эдди, – криво улыбнулась Виктория.

Порто Фино Элит Эстейтс, Шанхай

На ступеньках монолитного гранитно-бетонного сооружения стояли по струнке шесть человек. Пока в доме хозяйничала Колетт Бин, в чем ей потворствовал ее отец Джек, слуги носили черные футболки и черные джинсы от Джеймса Пирса. Но когда новоиспеченная госпожа Бин (бывшая Тай, в девичестве Понг) захватила огромную резиденцию в самом сердце поместья Порто Фино Элит Эстейтс, она нарядила мужчин в костюмы дворецких, а женщин в классические черные платья с белым фартуком, какие носили французские горничные.

Когда колонна черных внедорожников «ауди» подъехала к дому и из машин вышли Китти, ее дочь Жизель, малыш Гарвард и гувернантки, все слуги дружно поклонились, а затем бросились к автомобилям, чтобы забрать багаж.

– О-о-о-о! Как же хорошо дома! – взвизгнула Китти, сбрасывая красные сандалии «Акваззура» с бахромой и кисточками на входе в зал, который превратился в строительную площадку с лесами у стен, пластиковым покрытием на всей мебели и обнаженной проводкой, свисающей с потолка.

Стремясь стереть любые напоминания о Колетт с ее вкусами, Китти провела прошедший год, «сотрудничая» с Тьерри Катру – знаменитым дизайнером интерьеров, который ра-

ботал только с миллиардерами, – чтобы перепроектировать каждый квадратный дюйм поместья.

– А где мой муж? – спросила Китти у Лорана, управляющего имением.

Она переманила его у какого-то технического магната в Коннектикуте, чтобы заменить Уолсли, британского дворецкого Колеетт, некогда работавшего в Кенсингтонском дворце у принцессы, супруги Майкла Кентского.

– У мистера Бина ежедневный сеанс массажа, мадам.

Китти направилась в спа-павильон и спустилась по ступенькам к подземному бассейну, окруженному резными мраморными колоннами. Она шла по лакированному киноварно-красному переходу, ведущему в процедурные кабинеты, улыбаясь при мысли о том, что скоро всего этого не будет. Вдохновленный турецкими хаммамами спа-салон Колеетт превратится в футуристический египетский фантазийный курорт в духе фильма «Звездные врата». Это была ее собственная идея!

Китти вошла в процедурный кабинет, освещенный ароматическими свечами, и увидела Джека, лежащего на массажной кушетке лицом вниз. Аромат ладана пронизывал воздух, тихонько пела Селин Дион.

Одна из массажисток⁵⁹ работала с активными точками на

⁵⁹ Китти, помимо прочего, уволила привлекательных восточноевропейских массажисток, которых Колеетт держала в штате, и заменила их китайками средних лет, похожими на мадам Мао в зрелом возрасте. – *Примеч. автора.*

ступнях Джека, в то время как другая, пошатываясь, ходила по его позвоночнику, как по канату, держась за прикрепленную к потолку решетчатую конструкцию, чтобы точным образом распределить вес тела на ноющих мышцах пациента.

— Ага, вот тут! Эта точка! — Джек застонал через отверстие в массажной кушетке, пока женщина, стоящая на спине, жала пяткой левой ноги в мышцу под лопатками.

— Похоже, кто-то хорошо проводит время! — хмыкнула Китти.

— Ага... Да-а-а. Вы дома!

— Я-то думала, ты нас будешь ждать.

— Когда я узнал, что рейс задержали, то решил, что... ох... успею на массаж!

— Эти глупые французские чинуши задержали наш вылет на два часа из-за какой-то идиотской угрозы взрыва. Они даже не позволили мне пройти в салон, поэтому пришлось торчать в этом мерзком терминале с *простыми пассажирами*. — Китти надулась, растянувшись на шикарном шезлонге рядом с Джеком.

— Мне жаль, что тебе пришлось пройти через такое, малышка. Ты хорошо провела время в Париже?

— О да! Знаешь, какую замечательную новость я там услышала?!

— Ай! Полегче! Какую новость?

— Ты будешь рад узнать, что твоя драгоценная дочурка наконец выходит замуж! — Голос Китти сочился сарказмом.

Джек в ответ промычал:

– Мм... правда?

– Ага. За какого-то англичанина. Но ты же наверняка в курсе?

– С чего вдруг? Колетт не общается со мной почти два года – с тех пор как мы поженились.

– Однако ты, кажется, не очень-то удивлен.

– А чего тут удивляться? Должна же она была рано или поздно выйти замуж!

– Но не за англичанина же!

– Ну, Карлтон Бао объявил ей бойкот. Ричи Ян бросил ее. Думаю, выбор женихов в Китае довольно невелик. А кто этот парень?

– Никто и звать никак. Какой-то адвокат на благотворительных началах, который пытается спасти планету. Полагаю, твоей бывшей жене придется поддерживать их обоих всю жизнь. Знаешь, что еще я слышала? Свадебное платье Колетт стоит два миллиона долларов.

– Абсурд. Оно что, из золота?!

– На самом деле в него вшиты золотые пластинки, инкрустированные драгоценными камнями. Это просто возмутительно, – проворчала Китти, понюхала стеклянный флакон с маслом для тела, стоявший на столике, и намазала им руки.

– Думаю, она может как угодно распоряжаться своими средствами.

– Но я считала, что ты перестал давать ей деньги.

Джек помолчал немного, а потом простонал:

– А-а-а-а... почему так больно?!

Массажистка надавила на точку на ноге и помассировала ее большим и указательным пальцем, после чего строго сказала:

– Сэр, это все желчный пузырь – он воспален. Я думаю, вы вчера вечером переусердствовали с коньяком и жирной пищей. Снова ели жареные устрицы и лапшу с морским ушком, хотя я строго-настрого запретила?!

– Ой! Хватит! – заверещал Джек.

– Джек, а ну-ка отвечай, что ты имел в виду, когда говорил про «ее средства»? – надавила на мужа Китти, не обращая внимания на то, как ему больно.

Джек облегченно вздохнул, когда массажистка наконец отпустила его ногу.

– Колетт получает доход от трастового фонда. Это было одним из пунктов в моем соглашении о разводе с Лай Ди.

– А почему я об этом впервые слышу?!

– Я не хотел утомлять тебя деталями своего развода.

– Я думала, ты ограничился двумя миллиардами для Лай Ди.

– Так и есть, но, чтобы она тихо-мирно ушла и не подняла шума, пришлось основать трастовый фонд для Колетт.

– Да? И во сколько же оценивается этот трастовый фонд?

Джек в ответ промямлил что-то неразборчивое.

– Ну-ка громче, милый, я тебя не слышу... это ты в дол-

ларах называешь?

– Около пяти миллиардов...

– ТЫ ДАЛ ДОЧЕРИ ПЯТЬ МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛА-
РОВ?!!! – Китти резко вскинулась и села на шезлонге.

– Я не давал ей пять миллиардов. Она получает доход от трастового фонда в пять миллиардов. В любом случае все это связано с акциями моих компаний, поэтому доход колеблется ежегодно в зависимости от дивидендов. И он будет пожизненным.

– А после ее смерти что произойдет?

– Доход перейдет к ее детям.

Внезапно перед мысленным взором Китти возникла Ко-
летт и ее будущие дети-полукровки. Она представила Ко-
летт в светлом летнем платье, бегущую босиком по полю близ ан-
глийской деревеньки в компании смеющихся ребятишек с
пшеничными волосами. Китти тихо закипала, пока цифры
щелкали в голове. Даже если доходность трастового фонда
составляла ничтожный один процент от пяти миллиардов,
это означало, что Колетт – которую, как Китти всегда пред-
полагала, поддерживала на плаву ее несчастная мать с жал-
кими двумя миллиардами – получит *по меньшей мере пять-*
десят миллионов долларов чистого годового дохода! И ее
неестественно фотогеничные дети, которые даже не будут
знать своего китайского деда, также останутся в выигрыше.

– А нам что останется? – спросила Китти суровым тоном.

– В смысле?

– Ну, ты отложил такую кучу денег для своей дорогой дочурки, которая, между прочим, с тобой не собирается общаться, и ее детей-полукровок, которые еще даже не появились на свет, а что ты делаешь для своей законной жены и остальных твоих детей?!

– Не понимаю вопроса. Что я делаю для тебя? Да я из кожи вон лезу для тебя, а ты как сыр в масле катаешься и получаешь все, что душевненьке угодно. Уж не ты ли только что потратила десять миллионов в Париже?

– Только девять с половиной. Я привилегированный клиент «Шанель», и мне дали специальную скидку, – буркнула Китти, но потом потребовала ответа: – А если что-то случится с тобой? Или со мной?!!!

– Ничего со мной не случится. И не волнуйся, о тебе позаботятся.

– Что значит «позаботятся»?!

– На твое имя открыт трастовый фонд на два миллиарда долларов.

То есть ты оцениваешь меня дешевле своей доченьки, подумала Китти, чувствуя, как внутри закипает гнев.

– А сколько получит Гарвард?

– Гарвард – мой сын. Он получит все остальное, и позволь мне напомнить, что это куда больше, чем пять миллиардов долларов.

– А Жизель?

– Не понимаю, почему я должен оставлять что-то Жизель.

Рано или поздно она унаследует все миллиарды семейства Тай.

Китти поднялась с шезлонга и зашагала к дверям:

– *Очень интересно* было узнать! Теперь понятно, как ты расставил приоритеты.

– Что это значит?

– На самом деле ты совсем не думаешь обо мне... и о наших детях... – Голос Китти дрожал от переполнявших ее эмоций.

– Разумеется, думаю!

– Нет! Вообще не думаешь!

– Малышка, не глупи... о-о-о-о-ох... не так сильно! – прикрикнул Джек на массажистку, которая вскарабкалась на массажный стол и теперь разминала ему зад босыми ногами, надавливая всем своим весом.

– Сэр, вы проводите слишком много времени сидя... вот почему ягодицы так болят. Я едва их касаюсь, – ласково проворковала массажистка.

– Я поверить не могу, что ты просто так отдал дочери пять миллиардов! После того, как она с тобой поступила! – заверещала Китти.

– О-о-ой... ай! Китти, ты говоришь глупости! Колетт – моя единственная дочка. Какая разница, если ей достанется пять миллиардов, если тебе я даю все, что ты хочешь?! Ой! – Джек застонал.

– Топай сильнее на его заднице! А еще пройдишь по его

отвисшим яйцам, пока ты на нем! – закричала Китти, в слезах выскакивая из комнаты.

11

Гонконг

Хлои наконец уснула, после того как Чарли гладил ей спинку полчаса, и он на цыпочках тихонько удалился в свою спальню.

Чарли сел, прислонившись к изножью кровати, лицом к панорамному окну, откуда открывался потрясающий вид на бухту Виктория, и набрал по выделенной линии номер Астрид в Сингапуре. После нескольких гудков, когда он уж было решил, что звонит слишком поздно, раздался сонный голос Астрид.

– Прости, я тебя разбудил? – спросил Чарли полусшепотом.

– Нет, я читала. Ты только что вернулся домой?

– Да нет, был дома весь вечер, просто пришлось тут потушить пару пожаров.

– Опять Изабель достает?

Чарли вздохнул:

– На этот раз она ни при чем. Хлои несколько недель упрашивала меня: мол, разреши посмотреть одно кино, – и сегодня я сделал глупость и позволил им с Дельфиной посмотреть фильм, называется «Виноваты звезды».

– Не смотрела.

– Я-то думал, он детский, но, поверь, не детский от слова

«совсем». Современная интерпретация фильма «Любовная история».

– О нет. Юные влюбленные, трагический конец?

– Не то слово. Когда до меня дошло, к чему все идет, я попытался выключить фильм, но девчонки подняли крик, и я дал им досмотреть. Хлои очень понравился главный герой, придурочный блондинчик... Но в конце... Господи...

– Но в конце у тебя на руках плакали две маленькие девочки.

– Скорее заходились в рыданиях. Я думаю, Дельфина получила травму, которая останется с ней до конца жизни.

– Чарли У! Ей всего восемь! О чем ты только думал? – напустилась на него Астрид.

– Да знаю я, знаю. Поленился... посмотрел на обложку диска и прочел две первых строки описания. Все выглядело безобидно.

– Можно было с таким же успехом поставить им «Заводной апельсин»!

– Я плохой отец, Астрид. Вот почему я хочу, чтобы ты была рядом. Ты нужна девочкам. Необходимо, чтобы с ними был такой добрый и разумный человек, как ты.

– Ха! Не думаю, что моя мама согласилась бы с подобным заявлением.

– Они тебя полюбят, Астрид. Я просто знаю это. И Кассиана тоже полюбят.

– Будем азиатской версией «Семейки Брейди», только де-

тей чуть поменьше.

– Жду не дождусь. Кстати, у меня была продуктивная встреча с адвокатами Изабель. Слава богу, у них больше не осталось возражений. Знаешь, странно, но финт, который выкинула Изабель в Сингапуре, в итоге сыграл нам на руку. Ее адвокаты так испугались, что я потребую полной опеки над девочками, что отозвали большую часть претензий и хотят все уладить.

– Это самая лучшая новость за неделю, – сказала Астрид, на миг прикрывая глаза.

Постепенно перед ней начинала проступать перспектива ее жизни с Чарли. Она представляла, что лежит в нем в обнимочку на их новой кровати в прекрасном новом доме в Сэкьюо вдаль от толп Гонконга и Сингапура, купаясь в лунном свете и слушая, как внизу волны бьются о рифы. А в домашнем кинотеатре Хлои и Дельфина вместе со своим сводным братом Кассианом смотрят хорошие детские фильмы, передавая из рук в руки большую миску с итальянским мороженым.

Внезапно голос Чарли выдернул ее из грез:

– Эй, завтра я еду в Индию. Осматриваю новые фабрики в Бангалоре, а затем нужно посетить в Джодхпуре благотворительный матч по поло, который мы спонсируем. Почему бы тебе не приехать на выходные?

– На эти выходные?

– Ну да. Мы могли бы остановиться в «Умаид Бгаван па-

ласе». Ты там бывала? Это один из самых роскошных дворцов в мире, а теперь «Тадж групп» превратила его в эксклюзивный отель. Шиврадж, будущий махараджа, – мой хороший друг, и нас будут принимать как королевских особ, – предложил Чарли.

– Звучит заманчиво, но мне не уехать из Сингапура, пока бабушка так сильно болеет.

– Ей не лучше? Ты же говорила, что в Тайерсаль-парк слетелся миллион родственников. Они тебя и не хватятся пару-тройку дней.

– Именно из-за нашествия родни я и нужна там. В мои обязанности входит развлекать всех гостей.

– Прости, я такой эгоист, а ты святая и столько делаешь для семьи! Я просто очень по тебе скучаю.

– Я тоже. Поверить не могу, что мы уже больше месяца не виделись. Но с учетом состояния моей бабушки, всего, что устроили Изабель, Майкл и наши милые команды юристов, не лучше ли нам пока залечь на дно, чтобы нас не видели вместе?

– А кто узнает, что мы в Индии? Я лечу в Мумбай, а ты можешь полететь прямиком в Джодхпур, и мы будем полностью изолированы в отеле. Фактически, если все пойдет по моему плану, мы вообще не выйдем из номера все выходные.

– Если все пойдет по твоему плану?! Что это значит, мистер Грей? – поддразнила его Астрид.

– Я не открою тебе всех деталей, но в плане задействованы

шоколадный мусс, павлиньи перья и хороший секундомер.

– Мм. Секундомер? Обожаю.

– Ну же! Будет весело.

Астрид подумала немного:

– Ну... Майкл забирает на выходные Кассиана, а я должна представлять семью на королевской свадьбе в Малайзии в пятницу. Может, мне удастся улизнуть с банкета в Куала-Лумпуре...

– Самолет будет ждать наготове.

– Халида, невеста, – моя хорошая подруга. Я знаю, что она меня прикроет. Можно отговориться, что у меня не осталось другого выбора, кроме как задержаться на выходные на праздновании. Скажу, что меня буквально связали.

– А я держу за другой конец веревки. Мне *нужно* тебя видеть, – умолял Чарли.

– Ах ты, развратник! Даже когда мы учились в универе и жили в Лондоне, ты всегда заставлял меня делать всякое такое...

– Это потому, что я всегда знал: в глубине души ты плохая девчонка. Признайся, ты хочешь, чтобы я увез тебя в Индию, осыпал драгоценностями и занимался с тобой любовью все выходные во дворце.

– Ну, раз так...

Аэропорт Чанги, Сингапур

Ник толкал перед собой тележку с багажом в зале прилета терминала три и увидел знакомое лицо – встречающий держал плакат: «Профессор Николас Янг, доктор наук». Большинство людей в аэропорту решили бы, что парень с табличкой, одетый в выцветшую желтую майку «ACS», темно-синие спортивные штаны «Адидас» и шлепанцы, – какой-то серфер-нищеврод, которого наняли подменить водителя, а не наследник одного из самых больших состояний Сингапура.

– Ты чего?! – спросил Ник, обнимая своего друга Колина Ху.

– Ты не приезжал с две тысячи десятого года, как же я мог не устроить тебе достойную встречу?! – весело воскликнул Колин.

– Ты только посмотри на себя! Загорелый, как всегда, а теперь еще и пучок модный накрутил. А что твой отец думает о твоём внешнем виде?

Колин широко улыбнулся:

– Бесится. Говорит, что выгляжу как курильщик опиума и если бы я прилетел в семидесятых в аэропорт Чанги, то

Ли Куан Ю⁶⁰ лично явился бы в Иммиграционную службу, схватил меня за ухо, притащил в ближайшую индийскую парикмахерскую и заставил побриться наголо – как говорится, ботак!⁶¹

Они спустились в стеклянном лифте на уровень В2, где была припаркована машина Колина.

– Что водишь? Это «порше-кайен»? – спросил Ник, когда Колин помог ему загрузить чемодан в кузов внедорожника.

– Нет, это новый «порше-макан» две тысячи шестнадцатого года. На самом деле их официально начнут продавать только в марте, но этот мне дали на тест-драйв.

– Мило, – сказал Ник, открывая пассажирскую дверцу.

На сиденье лежала кашемировая шаль.

– Кинь назад. Это шаль Минти. Всегда мерзнет впереди. Кстати, передает тебе привет. Она сейчас в Бутане, на курорте у своей мамы. Медитирует.

– Звучит неплохо. А почему ты с ней не поехал?

– Да ну, ты ж знаешь, как устроен мой мозг. У меня же синдром дефицита внимания с гиперактивностью. Не умею я медитировать. Моя форма медитации в последнее время – это муай тай, – хмыкнул Колин, выезжая задним ходом с парковки со скоростью эдак миль шестьдесят в час.

⁶⁰ Ли Куан Ю – первый премьер-министр Республики Сингапур, один из создателей сингапурского «экономического чуда».

⁶¹ Малайское слово, которое значит «лысый». По каким-то причинам также стало популярным прозвищем для маленьких мальчиков, стриженных под ежик. – *Примеч. автора.*

Стараясь не вздрагивать, Ник поинтересовался:

– То есть Араминте стало лучше?

– Ну... потихоньку... – после некоторой заминки ответил Колин.

– Рад слышать. Я знаю, что вам было непросто в последнее время.

– Да, ты же понимаешь, депрессия накатывает волнами. Очередной выкидыш ее сломил на какое-то время. Она старается вытянуть себя из этого состояния, обращается за психологической помощью и меньше работает. Минти сейчас посещает очень хорошего психотерапевта, и все равно ее родители не в восторге от происходящего.

– По-прежнему донимают ее?

– Ага, папа Минти заставил ее врача подписать целую стопку соглашений о неразглашении, хотя, как ты знаешь, все психологи и так обязаны соблюдать врачебную тайну. Но ему нужно было удостовериться: этот врач никогда никому не признается, что лечит Минти. Чего доброго, ей придется принимать в качестве терапии какой-то препарат, которого можно стыдиться.

Ник покачал головой:

– Поразительно, что у нас тут психические расстройства считаются клеймом.

– Нет, клеймо – это когда что-то существует и общество относится к этому предвзято. А у нас вообще отрицают существование подобных состояний!

– Это объясняет, почему тебя не заперли в психушке! – пошутил Ник.

Колин ткнул его локтем:

– Здорово увидеть тебя и иметь возможность говорить такие вещи вслух!

– Неужели тебе больше не с кем поговорить?

– Никто не хочет слышать, что у Колина Ху и Араминты Ли есть какие-то проблемы. Мы слишком богаты для этого. Мы же золотая парочка, правильно?

– Еще какая! Я даже фотки видел, которые это доказывают.

Колин усмехнулся, вспомнив печально известную фотосессию для «Эль Сингапур», где его вырядили как Джеймса Бонда, а Араминту покрасили золотой краской с головы до пят.

– Та съемка – самая серьезная ошибка в моей жизни. Я никогда не отмоюсь. Знаешь, я как-то раз пошел отлить в «Парагоне», а парень перед соседним писсуаром внезапно уставился на меня, а потом воскликнул: «Ох ты ж! Вы ведь золотой бог?»

Ник расхохотался:

– Ты ему свой номерок нацарапал?

– Иди ты знаешь куда! – беззлобно огрызнулся Колин. – Как ни странно, знаешь, с кем тут Минти в последнее время подружилась?! С Китти Понг!

– С Китти? Правда?

– Ага. Именно она дала Минти контакты своего психотерапевта. Думаю, все дело в том, что Китти не местная и у нее нет такого багажа, как у сингапурцев. Араминте кажется, что с Китти можно говорить открыто, потому что та не входит в наш узенький кружок. Она не была в Раффлз, не посещала Методистскую школу для девочек и не является членом Черчилль-клуба. Китти тусит с иностранными миллионерами.

– Ну, там ей и место. Она же теперь миссис Джек Бин.

– Да. А мне немного жаль Бернарда Тая. Притом каким идиотом он был по молодости, отец из него, по слухам, получился хороший. Вот только с Китти ему чертовски не повезло. Не думаю, что он вообще заметил, когда на горизонте замаячил Джек Бин. Что, кстати, с его дочуркой?

– С Колетт? Да черт ее знает. Мы позаботились о том, чтобы не пересекаться с ней, после того как она отравила Рейчел. Я настаивал на судебном разбирательстве, но Рейчел слышать не захотела.

– Ну... Рейчел всех прощает.

– Правда. Именно поэтому я здесь. Я получил наказ вернуться и помириться с бабушкой.

– А ты сам этого хочешь?

Ник помолчал минутку.

– Если честно, то я не уверен. Отчасти у меня ощущение, что все это было целую вечность назад. Наша жизнь так далека от всего, что тут происходит. С одной стороны, я не могу забыть, как плохо бабушка обращалась с Рейчел, не дове-

ря моему выбору, а с другой – ее одобрение сейчас будто бы не имеет значения.

– В конечном счете все меркнет перед лицом потери, – философски заметил Колин, стремительно выезжая на бульвар Ист-Коаст. – Тебя сразу домой везти или хочешь сначала перекусить?

– Слушай, уже так поздно, поедem лучше домой. Уверен, там для нас найдется что-нибудь съестное. Вся родня съехалась, так что кухня А-Цин наверняка фурычит без перерыва.

– Без проблем! Следующая остановка – Тайерсаль-парк! Так и вижу сотни шашлычков-сатэ, которые ждут меня там. Знаешь, не хочу на тебя давить, но мне твоя бабушка нравится. Она всегда хорошо ко мне относилась. Помнишь, как я сбежал из дома, когда мачеха пригрозила отправить меня в интернат в Тасмании, и твоя бабушка позволила мне спрятаться в домике на дереве в Тайерсаль-парке?

– Ага, и каждое утро заставляла залезать в этот домик кухарку с корзинкой всякой снеди для завтрака, – поддакнул Ник.

– Вот и я о том! У меня с твоей бабушкой связаны только хорошие воспоминания. Никогда не забуду бамбуковые подносы, а на них – роллы с рисовой лапшой, баоцзы со свиной и роти парата⁶² с пылу с жару! Мы с тобой там пировали как короли! Когда меня наконец отправили домой, я искал

⁶² *Роти парата* – блюдо индийской кухни, лепешки, обжаренные в ароматном масле.

любой повод, лишь бы оказаться в этом домике снова. Наша кухарка вашей и в подметки не годилась!

– Ха-ха! Помню ты то и дело сбегал из дома!

– Ага. Мачеха меня изводила. А ты всего лишь раз сбежал, насколько помню.

Ник кивнул, а в воспоминаниях перенесся в тот день. *Ему было восемь лет. Они ужинали втроем: отец, мать и он уселись в зале для завтраков по соседству с кухней, как всегда делали, если родители не принимали гостей в официальной столовой. Он даже помнил, что они ели в тот вечер. Бак кут тех⁶³. Ник налил слишком много бульона в рис, и тот, на его вкус, стал слишком водянистым, но мама настояла, что нужно сначала доесть рис в тарелке, а потом уже класть новую порцию. Мама была более раздражительной, чем обычно, и складывалось впечатление, что отношения между родителями были натянутыми уже несколько дней.*

Какая-то машина слишком быстро промчалась по подъездной дорожке, но припарковалась не у крыльца, как все гости, а объехала дом по периметру и остановилась перед гаражом. Ник посмотрел в окно и увидел тетю Одри, старую подругу родителей, выходящую из своей «хонды-прелюд». Ему нравилась тетя Одри, она всегда пекла самые вкусные на свете нонья куэ. Интересно, она и сегодня принесла что-то вкусненькое к чаю? Одри ворвалась через зад-

⁶³ *Бак кут тех* – свиные ребра, сваренные в бульоне с большим количеством трав и специй.

нюю дверь, и Нику бросилось в глаза, что лицо ее опухло и все в синяках, из губы сочится кровь, рукав блузки порван, а сама тетя Одри выглядит совершенно ошеломленной.

– Аламак! Одри! Что случилось?! – ахнула мать, когда в комнату влетели несколько горничных.

Одри проигнорировала вопрос, уставившись на отца Ника Филипа:

– Посмотри, что сделал со мной мой муж! Я хочу, чтобы ты увидел, что сотворило это животное!

Мать подскочила к Одри:

– Это Дезмонд сделал? О господи!

– Не трогай меня! – выкрикнула Одри и рухнула на пол.

Отец встал из-за стола:

– Ники! Наверх!

– Но, папа...

– ЖИВО! – завопил отец.

Лин-цзе поспешила к Нику и увела его из столовой.

– Что случилось? С тетей Одри все хорошо? – взволнованно спросил Ник.

– Не переживай за нее. Пойдем в твою комнату. Сыграем в домино, – ответила няня на убаюкивающем кантонском, быстро поднимаясь по лестнице.

Они просидели в его комнате минут пятнадцать. Лин-цзе разложила костяшки домино, но Ника отвлекали звуки, доносившиеся снизу. Он слышал сдавленный женский плач. Это мама или тетя Одри? Он выбежал на площадку,

и в этот момент тетя Одри закричала: «Думаете, Янгам можно трахать всех подряд?!»

Ник ушам своим не верил. Он никогда не слышал это слово на букву «т». Что оно значит?

– Ники, ну-ка вернись в комнату! – заверещала Лин-цзе и потащила его обратно в детскую.

Она плотно закрыла дверь, поспешно опустила жалюзи и включила кондиционер.

Внезапно раздался знакомый кашляющий звук – старое такси с трудом ехало по крутой подъездной дорожке. Ник выскочил на веранду и перегнулся через перила. Из такси выбрался дядя Дезмонд, муж тети Одри. Отец вышел из дому, и Ник слышал, как они с дядей Дезмондом о чем-то спорят в темноте. Дядя Дезмонд умоляюще повторял: «Она лжет! Она лжет!» Отец что-то бормотал в ответ, а потом вдруг повысил голос: «Не в моем доме. НЕ В МОЕМ ДОМЕ!»

В какой-то момент Ник, должно быть, уснул. Он проснулся и не мог понять, который час. Лин-цзе вышла из комнаты и выключила кондиционер, но жалюзи были по-прежнему закрыты. Духота стояла страшная. Ник со скрипом приоткрыл дверь и увидел по ту сторону коридора тонкую линию света под дверью в спальню родителей. Осмелится ли он высунуть нос из детской? Или родители все еще кричат там друг на друга? Он не хотел слышать их ссору, понимая, что происходящее не предназначено для его ушей. Ужасно хотелось пить, и Ник вышел на площадку к холо-

дильнику, в котором всегда было полно льда и стоял кувшин с водой. Ник открыл дверцу, и волна свежести окутала его. Вдруг из спальни родителей донеслись рыдания. Он прокрался к двери их комнаты, и тут раздался крик матери:

– Даже не думай! Завтра твое имя будет пестрить на всех первых полосах!

– Потихие! – зло рявкнул в ответ отец.

– Обещаю, я смешаю с грязью твою драгоценную фамилию! Чего только я не натерпелась за все эти годы от твоей семейки. Я сбегу. В Америку! Увезу с собой Ники в Штаты – и ты никогда его больше не увидишь.

– Я тебя убью, если ты забереешь моего сына!

Ник почувствовал, как глухо колотится сердце. Он никогда не видел родителей такими разъяренными. Он помчался в свою комнату, быстро стянул с себя пижаму и надел футболку и шорты, затем вытащил из жестяной коробки все деньги, которые ему надарили в красных конвертах⁶⁴, – семьсот девяносто долларов, а еще схватил фонарик и сунул за пояс. Ник направился к двери, ведущей на веранду, где огромная гуайява простирала ветви до второго этажа. Он ухватился за большой сук, качнулся и уцепился за ствол, а потом быстро слез вниз, как делал уже сотню раз.

Ник запрыгнул на свой велосипед с десятью скоростями, выехал из гаража и рванул по Тьюдор-Клоуз. Вслед ему за-

⁶⁴ В красных конвертах по китайской традиции принято вручать деньги детям во время празднования Нового года.

лаяли соседские овчарки, и Ник начал крутить педали еще быстрее.

Он буквально слетел по длинному склону Харлин-роуд, пока не достиг Беррима-роуд. У второго дома справа Ник остановился перед высокими стальными электронными воротами и огляделся. У бетонного забора были стеклянные шипы наверху, но Ник все же задумался, сможет ли он вскарабкаться достаточно быстро, чтобы не порезаться. Он все еще задыхался от быстрой езды. Охранник-малаец вышел из караульной будки рядом с воротами, удивившись при виде мальчика в два часа ночи:

– Что тебе нужно, малыш?

Это был ночной сторож, который не знал Ника.

– Мне нужно увидеть Колина. Не могли бы вы передать, что Ники приехал?

Охранник выглядел озадаченным, но уже через мгновение он вошел обратно в свою будку и позвонил по телефону. Спустя несколько минут Ник увидел, как в доме зажглись огни, и металлическая створка ворот отъехала с тихим лязгом. Когда Ник шагал по подъездной дорожке, загорелись лампы на крыльце и открылась входная дверь. Его встретила бабушка Колина, Уинифред Ху, напоминавшая пухлую Маргарет Тэтчер в персиковом шелковом халате.

– Николас Янг! Все нормально?

Ник подбежал к ней и выпалил:

– Мои родители сильно поругались, грозятся убить друг

друга, а мама хочет увезти меня!

– Тихо, тихо. Никто тебя никуда не увезет, – успокоила его миссис Ху, обнимая за плечи.

Тут скопившееся за вечер напряжение нашло выход, и Ник зарыдал, сотрясаясь всем телом.

Полчаса спустя, когда он сидел на табуретке в библиотеке наверху, наслаждаясь ванильным коктейлем и компанией Колина, в дом Ху приехали Филип и Элинор Янг. Ник слышал голоса родителей, когда они вежливо разговаривали с Уинифред Ху в комнате для гостей.

– Он слишком бурно отреагировал. Думаю, у него разыгралось воображение.

Ник слышал, как мама смеется и говорит с нарочитым английским акцентом. Она всегда так разговаривала с иностранцами.

– И все равно я считаю, что ему стоит переночевать у нас, – настаивала Уинифред Ху.

В этот момент мальчики услышали, как подъезжает другая машина. Колин включил телевизор, там замелькал экран камеры видеонаблюдения и показался величественный черный лимузин «Мерседес 600 Пульман», припарковавшийся у входной двери. Высокий гуркх в форме выскочил и открыл пассажирскую дверцу. Мальчики метнулись к перилам, чтобы посмотреть, кто поднимается.

– Это твоя бабуля! – взволнованно закричал Колин.

Суи вошла в дом, за ней семенили две горничные-тайки, а

еще внезапно откуда-то материализовалась Лин-цзе, няня Ника, с тремя коробками юэбинов⁶⁵.

Ник решил, что это наверняка Лин-цзе оповестила бабушку о случившемся. Хотя она и работала теперь на его родителей, но всегда хранила верность Суи.

Суи, в своих фирменных черных очках, одетая в шикарный льняной брючный костюм розового цвета и блузку с высоким воротом и рюшами, выглядела так, словно только что вернулась с выступления на Генеральной Ассамблее ООН.

– Приношу извинения за доставленные неудобства, – обратилась бабушка к Уинифред Ху на прекрасном английском.

Ник понятия не имел, что его бабушка так хорошо знает английский. Он увидел, как его родители топчутся в стороне с ошеломленным видом.

Тем временем Лин-цзе вручила хозяйке стопку квадратных жестяных коробок.

– О господи! Знаменитые лунные пряники из Тайерсаль-парка! Слишком щедрый подарок! – воскликнула Уинифред.

– Вовсе нет. Это благодарность за то, что вы мне позволили. И где же Ники? – спросила бабушка.

Ник и Колин рванули обратно в библиотеку. Они сидели там тихо как мышки, притворившись, что ничего не слы-

⁶⁵ Юэбин (лунный пряник) – китайская выпечка, которую традиционно употребляют на Праздник середины осени.

шали, пока их не позвала вниз няня Колина.

– Вот ты где, Ники! – сказала бабушка. Она положила руку ему на плечо и велела: – Поблагодари миссис Ху.

– Спасибо, миссис Ху. Спокойной ночи, Колин, – улыбнулся он.

Бабушка вывела его через входную дверь и усадила в «мерседес». Она забралась на сиденье следом за ним, а потом в машину села и Лин-цзе, пристроившись на складном сиденье в среднем ряду вместе с тайками. Дверца уже закрывалась, когда к лимузину бросился отец:

– Мам, ты забираешь Ники...

– Мне плевать! – рявкнула Суи на южноминьском диалекте, отвернувшись от сына, пока охранник закрывал дверцу.

Когда «мерседес» тронулся и отъехал от дома Ху, Ник спросил бабушку по-кантонски:

– Мы едем к тебе домой?

– Да, я отвезу тебя в Тайерсаль-парк.

– И долго я буду жить у тебя?

– Сколько захочешь.

– А папа с мамой будут меня навещать?

– Только если научатся себя вести, – ответила Суи.

Бабушка протянула руку и привлекла его к себе. Ник помнил, как удивил его этот жест и каким мягким был бабушкин бок, к которому он льнул, пока автомобиль, слегка покачиваясь, ехал по ночным улочкам, густо засаженным деревьями.

И теперь Ник внезапно снова оказался на той же самой темной аллее спустя двадцать лет, а за рулем «порше» сидел Колин. Когда машина ехала по Тайерсаль-авеню, Ник как будто узнавал каждый изгиб, каждый ухаб дороги – раз, и ты вдруг подскакиваешь вровень с искривленными древними стволами деревьев, густым навесом листвы, который сохраняет прохладу даже в самый жаркий день... Должно быть, Ник в детстве ходил или катался на велике по этой узкой улочке тысячу раз. Впервые он осознал, что взволнован возвращением домой, и боль, которую он испытывал в последние несколько лет, постепенно исчезла. Сам того не понимая, он уже простил бабушку.

Машина подъехала к знакомым воротам Тайерсаль-парка, и Колин весело объявил подошедшему охраннику:

– Я тут вам Николаса Янга привез!

Гуркх в желтом тюрбане посмотрел на них через лобовое стекло и сказал:

– Простите, но мы сегодня больше не принимаем посетителей.

– А мы не «посетители». Это Николас Янг! И вон там дом его бабушки, – настаивал Колин.

Ник наклонился к водительскому сиденью, чтобы охранник смог его получше рассмотреть. Он не узнал этого человека, – видимо, его наняли уже после отъезда Ника.

– Привет, кажется, мы незнакомы. Я Ник, и меня ждут в этом доме.

Охранник ушел в караульную будку, откуда вернулся с каким-то талмудом и зашуршал страницами. Колин повернулся к Нику и недоверчиво хмыкнул:

– Не, ну ты можешь в это поверить?

– Извините, но я не вижу в списке ни одного из вас, а мы в данный момент в состоянии повышенной готовности. Боюсь, мне придется попросить вас уехать.

– Слушайте, а Викрам здесь? Можете позвонить Викраму?

Ник начал терять терпение. Викрам, возглавлявший службу безопасности в течение последних двух десятилетий, быстро положит конец этому абсурду!

– Капитана Гэйла сейчас здесь нет. Заступит на пост завтра в восемь.

– Ну позвоните ему или тому, кто у вас дежурный.

– Это сержант Гурунг, – сказал охранник, вынимая свою рацию.

Он затрещал по-непальски в рацию, и через несколько минут из темноты вынырнул офицер, вышедший из главного караульного помещения. Ник сразу узнал его:

– Привет, Джои, это я, Ник! Ты скажешь своему другу, чтобы он пропустил нас?

Крепкий охранник в накрахмаленной оливковой форме подошел к пассажирскому окну с широкой улыбкой:

– Ники Янг! Рад вас видеть! Сколько лет мы не виделись? Четыре? Пять?

– В последний раз я был здесь в десятом году. Вот почему твой товарищ со мной незнаком.

Сержант Гурунг наклонился к окну:

– Послушайте, у нас есть конкретные указания. Не знаю даже, как это сказать... но нам приказано не пускать вас.

Тайерсаль-парк, Сингапур

За двадцать четыре часа до этого...

– Три, четыре, пять... – считал Эдди, стоя у окна в холле наверху и глядя на подъездную дорожку.

Кортеж состоял из пяти машин – четырех, если не считать перевозившего горничных микроавтобуса, который тащился позади. Тетя Кэтрин с семейством только что прилетели из Бангкока, и Эдди удивился, что автоколонна так невелика.

Во главе следовал белоснежный «мерседес» S-класса с дипломатическими номерами, явно предоставленный посольством Таиланда, но другие автомобили были подобраны наобум: внедорожник «БМВ Х5» позади «бенца», «ауди», которому на вид было не меньше пяти лет, а последний автомобиль – вообще непонятно что, какой-то четырехдверный седан, явно не европейский, словом, не из списка приемлемых автомобилей, в которых можно показаться на людях.

Вчера, когда Эдди приехал с семьей из Гонконга, его помощница Стелла организовала «флотилию» из шести одинаковых «рейнджроверов» цвета «карпатский серый», на которых семья Чэн эффектно подкатила к воротам Тайерсаль-парка. Сегодня он почти устыдился тети Кэтрин и ее родни.

Ее муж М. Ч.⁶⁶ Таксин Аакара был одним из потомков короля Монгкута, и Эдди вспомнил мельчайшие подробности последнего визита в Таиланд. Ему тогда было девятнадцать лет, а он как будто вчера любовался россыпью исторических вилл в райском саду на берегу реки Чаупхрая. У двоюродных братьев Джеймса, Мэтта и Адама было по три слуги, и каждый из них рвался исполнить любую прихоть хозяина, буквально падая ниц перед ним, будто тот был маленьким божеством. Колонна травянисто-зеленых «БМВ», припаркованных во дворе, готова была в любой момент умчаться юных господ в клуб поло, на теннисный корт или к любому из самых горячих танцполов Сукхумвита. А еще Эдди вспоминал, как Джессиана, их сексуальная двоюродная сестрица, однажды ночью отсосала ему в туалете пиццерии в Хуахине.

Ну почему же Аакара притащились в таких убогих машинах? Ой, погодите-ка! Что, черт возьми, там творится? Дворецкий Санджит и весь домашний персонал, включая охранников-гуркхов, одетый в накрахмаленную до хруста форму, собрались вдоль дороги! А-Лин и тетя Виктория тоже участвовали в торжественном приеме. Растак бы их всех и разэтак, почему ничего подобного не устроили вчера в честь его семьи?!

⁶⁶ Это аббревиатура мом чао, что переводится как «светлейшество» и является титулом внуков короля Таиланда. Поскольку король Чулалонгкорн (1853–1910) имел девяносто семь детей от тридцати шести жен, а король Монгкут (1804–1868) имел восемьдесят два ребенка от тридцати девяти жен, то титул мом чао носят несколько сот из ныне живущих людей. – *Примеч. автора.*

Эдди разозлился, увидев, что родители тоже вышли на улицу, и решил ни за какие блага на свете не присоединяться к ним. Слава богу, Фиона увела детей в зоопарк, иначе они наверняка захотели бы принять участие в этом идиотизме. И тогда Аакара окончательно вознеслись бы над простыми смертными! Эдди отступил от окна, укрылся в служебном коридоре и стал ждать, когда все поднимутся в гостиную: там в Тайерсаль-парке всегда подавали новоприбывшим гостям чай лунган со льдом. Два официанта прокатили мимо тележки, заставленные хрусталем и большими серебряными самоварами с чаем, и посмотрели на Эдди весьма озадаченно. Он метнул на официантов испепеляющий взгляд и прошипел: «Вы меня не видели! Меня здесь не было!»

Когда Эдди услышал голоса своих родственников, поднимавшихся по лестнице, он зашел в гостиную, небрежно сунув руки в карманы брюк лососевого оттенка от Рубиначчи. Тетя Кэтрин первой ступила на верхнюю площадку парадной лестницы, взволнованно треща со столь характерным для выпускниц ее школы акцентом⁶⁷.

– Какой сюрприз увидеть вас с Малкольмом! – сказала она, обращаясь к матери Эдди. – Я думала, вы только завтра прилетите!

⁶⁷ Кэтрин Янг-Аакара, как и многие девочки ее поколения и социального положения, посещала монастырскую школу для девочек в Сингапуре, где их учили британские монахини, в итоге у нее выработался прелюбопытный и весьма примечательный акцент, из-за чего она разговаривала, как актриса массовки в исторической драме Би-би-си. – *Примеч. автора.*

– Так и планировалось, но вчера Эдди удалось привезти нас всех на частном самолете.

– Ого! Восторг! – воскликнула Кэтрин по-кантонски, когда к ним подошел официант с серебряным подносом, на котором стояли высокие бокалы чая со льдом.

Эдди пару минут рассматривал тетю, пока та усаживалась на тахту рядом с его матерью, и удивлялся, какими же разными выглядят сестры. У тетушки Кэт было спортивное телосложение, завидное для женщины за семьдесят, фигура ее разительно отличалась от других тетушек, с их сухопарыми, аристократически истощенными телами. К сожалению, в плане моды она не отставала от своих сестер, и только по доброте душевной Эдди мог бы вежливо описать ее стиль как «эксцентричный». Сегодня она смотрелась просто дико в этом темно-фиолетовом шелковом брючном костюме, явно сшитом на заказ, причем несколько десятилетий назад, в коричневатых сандалиях с открытым носом от «Кларкс» и в бифокальных очках в стиле Софи Лорен с голубоватыми линзами, которые он привык видеть на тете на протяжении десятилетий.

При виде его Кэтрин воскликнула:

– Боже мой, Эдди, я тебя с трудом узнала! Вроде даже схуднул!

– Спасибо, что заметили, тетя Кэт! Да, я сбросил около двадцати фунтов в прошлом году.

– Молодчина! А твоя мама говорит мне, что ты вчера всю

семью привез?

– Ну, я присутствовал на Всемирном экономическом форуме в Давосе в качестве официального делегата, и, когда мне сообщили о сердечном приступе бабушки, мой клиент Михаил Хордочевский – да вы знаете, один из богатейших людей России – настоял, чтобы я одолжил его «боинг». Знаете, самолет такой огромный, и я подумал, что обидно лететь в нем единственным пассажиром. Поэтому мы отправились не напрямую в Сингапур, а сначала в Гонконг, чтобы я забрал семью.

Кэтрин обратилась к сестре:

– Видишь, Алекс, не знаю, чего ты все время жалуешься. У тебя сын такой заботливый!

– Да, очень заботливый, – кивнула Алекс, пытаясь не вспоминать, как Эдди верещал вчера по телефону. *У вас есть два часа, чтобы добраться до аэропорта, а не то я полечу без вас! Мой особенный друг оказывает нам особую услугу, предоставляя свой особенный самолет, понимаешь! И ради бога, пожалуйста, собери приличную одежду и украшения на этот раз! Я не хочу, чтобы тебя приняли за туристку с материка! В прошлый раз нас из рук вон плохо обслуживали в «Хрустальном дворце» из-за твоего внешнего вида!*

– А вы как долетели? – спросил Эдди, которого очень интересовало, какой сейчас частный самолет у Аакара.

– Все просто отлично, «Тайские авиалинии» объявили специальное предложение только на сегодня. Если купить

три билета экономкласса, четвертый дают бесплатно. Очень приличная экономия для нашей большой компании. Но потом, когда мы добрались до аэропорта, сотрудники поняли, что перед ними твой дядя Таксин, и перевели нас в первый класс.

Эдди не мог поверить своим ушам. Аакара никогда не летали обычными рейсами, по крайней мере с тех пор, как дядя Таксин стал специальным атташе ВВС Таиланда еще в 1970-х годах. В этот момент Эдди увидел и самого дядю Таксина, который вошел в гостиную с отцом. Последний раз он встречался с дядей много лет назад, но тот, похоже, не состарился ни на йоту – он был старше отца, но выглядел на десять лет моложе. Вечно загорелое лицо было гладким, и он все еще сохранял военную выправку и уверенную походку человека, привыкшего быть в центре внимания. Если бы только папа не сутулился так сильно и одевался, как дядя Таксин!

Эдди всегда восхищался элегантностью дяди и, когда подростком гостил в Бангкоке, старался пробраться в дядин гардероб и осмотреть все ярлыки на одежде – то был настоящий подвиг, поскольку повсюду шныряли толпы надоедливых слуг. Сегодня дядя Таксин был одет в безукоризненно сшитую бледно-оранжевую классическую рубашку – судя по длинноволокнистому хлопку, скорее всего, «Эд & Рейвенскрофт» – вкупе с темно-синими брюками и отполированными до блеска лоферами с декоративными пряжками. «Гацияно & Гирлинг» или «Эдвард Грин»? Нужно спросить его

позже. И самое главное, какие на дяде Таксине часы? Эдди взглянул на манжет, ожидая увидеть под ним «Патек», «Вашерон» или «Бреге», но с ужасом понял, что дядя нацепил на запястье часы «Эпл Вотч». Господи, как низко пали сильные мира сего!

За Таксином следовал его сын Адам, которого Эдди не слишком хорошо знал, потому что тот был на десять с лишним лет моложе. Самый младший в семье, Адам был довольно худощавым и обладал изящными кошачьими чертами лица. Он напоминал одного из тайских поп-идолов и, казалось, оделся под стать – в узкие джинсы и винтажную гавайскую рубашку. Эдди его наряд не особо впечатлил. Но подождите-ка, что это за сексуальная штучка? Эх, прямо сейчас приударил бы за ней! По лестнице поднималась девушка с алебастровой кожей и черными волосами до пояса. Наконец-то хоть кто-то с чувством стиля! На девушке был комбинезон без рукавов от Эмили Уикстед, синие замшевые ботильоны, а на плече небрежно болталась сумка, за которой, по сведениям Эдди, была очередь на три года. Должно быть, это новая жена Адама принцесса Пия – мать не переставала с упоением рассказывать о ней, с тех пор как в прошлом году побывала на их свадьбе⁶⁸.

– Дядя Таксин! Рад встрече! Адам! Давно не виделись! –

⁶⁸ К его огромнейшему огорчению, Эдди не пригласили на свадьбу двоюродного брата с М. Р. Пиярасми Апичатпонгс. На свадьбу, которую устроили в узком кругу на частной вилле на Симилянских островах, пригласили только его родителей. – *Примеч. автора.*

Эдди с энтузиазмом похлопал двоюродного брата по спине.

Адам пояснил своей жене:

– Это старший сын тети Алекс Эдди, он тоже живет в Гонконге.

– Принцесса Пия, какая большая честь! – Эдди наклонился, схватил ее за руку и наклонился, чтобы поцеловать.

Адам еле слышно фыркнул, захихикала и Пия, которую насмешил напыщенный жест Эдди.

– Пожалуйста, зови меня просто Пия. Всякие формальные титулы – для детей и внуков короля. А я – дальняя родственница.

– Вы скромничаете. Я хочу сказать: вам же отдали Жемчужную спальню!

– Это что? – спросила Пия.

Прежде чем Эдди успел ответить, вмешался Адам:

– В этой спальне все стены инкрустированы перламутром. Действительно замечательная комната.

– Да, просторная спальня, идеально подходит для семьи. Мы с женой и тремя детьми обычно останавливаемся там, когда приезжаем, – не удержался Эдди.

– А сейчас вас куда поселили? – поинтересовался Адам.

– В Желтую спальню. Там очень... уютно.

Пия нахмурилась:

– Адам, мне это кажется неправильным. Мы должны перебраться в другую спальню, чтобы Эдди и его семье отдали более просторную комнату.

– Но вы почетная гостья королевской крови. Вы должны занять Жемчужную спальню. Я ничего такого не имел в виду. Константин, Августин и Каллисте развлекаются в одной постели, и Фионе даже удалось поспать три часа прошлой ночью.

– О боже, зная это, я не смогу с комфортом жить в Жемчужной спальне. Адам, тебе нетрудно позаботиться об этом? – настаивала Пия.

– Конечно. Я переговорю с А-Лин, как только увижу ее, – ответил Адам.

Эдди милостиво улыбнулся:

– Вы оба слишком добры. А где твои братья? Я думал, вы всей семьей приедете сегодня. Их ждет восемнадцатиколесная фура, полная морепродуктов.

Адам озадаченно посмотрел на него:

– С мамой и папой приехали только мы с Пией. Джимми, как ты знаешь, врач, ему не так легко вырваться с работы, а Мэтти катается на лыжах с семьей в Вербье.

– Ах! Я тоже был в Швейцарии! В Давосе в качестве официального делегата на Всемирном экономическом форуме!

– О, я тоже была в Давосе два года назад, – прошептала Пия.

– В самом деле? Что вы там делали?

– Выступала в рамках НСМЭЛ.

У Эдди от удивления открылся рот, и тут Адам гордо объяснил:

– Пия – вирусолог при ВОЗ⁶⁹ в Бангкоке. Она специализируется на вирусах, которые переносят комары, таких как малярия и лихорадка денге, и считается одним из ведущих и авторитетных специалистов по тропическим болезням.

Пия застенчиво улыбнулась:

– О, Адам преувеличивает, никакой я не авторитет, просто часть команды. А вон тот человек выглядит очень авторитетно.

Эдди обернулся и увидел, что в гостиную входит профессор Уон, все еще в медицинском халате. Кэтрин поднялась со своего места и бросилась к нему:

– Фрэнсис! Очень приятно тебя видеть! Как мама сегодня?

– Ее жизненно важные показатели на данный момент стабильны.

– Можно с ней увидеться?

– Она в сознании. Я впускаю четырех посетителей, но по двое за один раз и только по пять минут каждый.

Алекс посмотрела на сестру:

– Иди. Возьми Таксина, Адама и Пию с собой. Я и так провела с ней все утро.

– А я еще не видел бабушку сегодня, – вмешался Эдди. – Доктор, еще один посетитель погоды не сделает?

⁶⁹ Всемирная организация здравоохранения является специализированным подразделением Организации Объединенных Наций. Региональное отделение для стран Юго-Восточной Азии расположено в Бангкоке. – *Примеч. автора.*

– Хорошо, я позволю вам войти после остальных, но только на несколько минут. Ей нельзя перенапрягаться, – сказал Уон.

– Конечно. Я не скажу ни слова.

– Эдди, ты помолишься за бабушку, когда будешь рядом? – внезапно спросила Виктория.

– Конечно помолюсь, – пообещал Эдди.

Они впятером двинулись по коридору к частным покоем Суи. Гостиную, примыкающую к ее спальне, переоборудовали в кардиологическое отделение, при этом половина комнаты была превращена в подготовительную зону, а другую половину заставили различными медицинскими аппаратами. Несколько врачей и медсестер сгрудились над кучей мониторов, анализируя каждый всплеск жизненных показателей суперВИП-пациентки, в то время как тайские служанки Суи толкались у входа, готовые выполнить любую прихоть хозяйки по взмаху ее ресниц. Увидев, что приближается принц Таксин, они упали ниц. Эдди почувствовал, как его внутренности сжались от смеси страха и зависти, оттого что тетя и дядя прошли мимо служанок, совершенно не замечая их.

Черт возьми, почему он не родился в этой семье?

Пока Кэтрин и Таксин находились в спальне Суи, Эдди ждал в коридоре с Адамом и Пией. Присев рядом с принцессой на бархатном диване от Рульмана, он прошептал:

– Итак, насколько я понимаю, у вас есть бейдж НСМЭЛ?

Пия на мгновение растерялась:

– Извини, ты имеешь в виду Давос?

– Да. Когда вы были в Давосе два года назад, какой у вас был бейдж? Белый с голубой линией или чисто-белый с голографической наклейкой?

– Боюсь, я не помню, как он выглядел.

– А что вы с ним сделали?

– Надела, – терпеливо ответила Пия, размышляя, с чего вдруг двоюродный брат так заикнулся на этом бейдже.

– Нет, я про другое: что вы с ним сделали после конференции?

– Ой... наверное, выкинула, когда выезжала из номера отеля.

Эдди уставился на нее с недоверием. Его давосский бейджик хранился в специальном мешочке вместе с дорогушими часами от Роджера Смита⁷⁰ и драгоценными платиновыми запонками с сапфирами. Эдди не мог дожидаться, когда же вернется в Гонконг и повесит свой бейдж в рамочке. Несколько минут он молчал, прежде чем заговорить с Адамом:

– А ты чем занимаешься? Работаешь или бездельничаешь?

Адам едва не поморщился, но был слишком хорошо воспитан и воздержался от проявления эмоций. Почему все счи-

⁷⁰ Каждые часы от Роджера Смита изготавливаются вручную, это одни из самых востребованных часов в мире, изготовление занимает одиннадцать месяцев, список ожидающих составлен аж на четыре года вперед (вероятно, после выхода книги ожидание растянется на пять лет). – *Примеч. автора.*

тают, что, раз у него королевский титул, ему не нужно зарабатывать на жизнь?

– Я работаю в E&H⁷¹. У меня свой ресторан в «Центральном посольстве», недавно открывшемся торговом центре, а еще несколько фургонов, с которых мы торгуем аутентичными австрийскими закусками вюрстельстанд – это колбаски братвурст, сосиски с карри и кезекрайнер. Ну знаешь, такие колбаски с кусочками сыра?

– Фургон с сосисками? Ты правда на этом деньги зарабатываешь? – спросил Эдди.

– И очень даже неплохие. Мы паркуем грузовики рядом с центрами ночной жизни по всему городу. Людям нравится перекусить ночью, когда они выходят из баров и клубов.

– А еще колбаски помогают усваивать алкоголь, – добавила Пия.

– Хм. Перекусы для пьяненьких. Как дальновидно, – протянул Эдди с изрядной долей снисходительности. Он ждал, когда Адам или Пия поинтересуются, чем же он зарабатывает на жизнь, но тут из спальни вышли дядя с тетей.

– Она уснула, но можешь войти, – сказала Кэтрин сыну и плюхнулась на диван рядом с Эдди.

Она почему-то выглядела совершенно обескураженной.

– Как бабушка сегодня? – спросил Эдди.

⁷¹ E&H – аббревиатура для еды и напитков, в настоящее время одна из самых горячих отраслей в Азии. Все кредитно-рейтинговые агентства, которые раньше работали в сфере слияний и поглощений, сейчас хотят влиться в эту отрасль. – *Примеч. автора.*

– Трудно сказать. По словам Фрэнсиса, маме капают морфий, так что ей совсем не больно. Я просто никогда не видела ее такой... хрупкой... – пробормотала Кэтрин, ее голос немного дрогнул.

Таксин положил руку жене на плечо, чтобы успокоить ее, и проговорил:

– Надо было прилететь в ноябре, как я и хотел. С мальчиками. Почему мы не заставляли их навещать ее чаще?

– Тетя Кэт, вам стоит пойти в комнату и отдохнуть немного, – мягко предложил Эдди. Он испытывал неловкость, когда женщины рядом с ним давали волю чувствам.

– Да, думаю, это хорошая идея, – согласилась Кэтрин, поднимаясь.

– Позвоню Джимми и Мэтти, чтоб прилетали немедленно. Нельзя терять ни минуты, – на ходу сказал ей Таксин.

Да уж, нельзя терять ни минуты, подумал Эдди. Но тетя Кэтрин только тем и занималась, что тратила время понапрасну. Она провела несколько десятков лет за границей, и его двоюродные братья почти не знали свою бабушку. А теперь, когда а-ма при смерти, они вдруг решили проявиться! Слишком поздно! Или ими движет другой мотив? Может, Аакара испытывают недостаток в деньгах? Иначе зачем лететь обычным рейсом? Эдди не мог представить ничего более унижительного. Тайский принц в экономклассе! И в этот раз с ними прибыли всего пять служанок, а Адам вынужден руководить этими жалкими фургончиками с хот-догами. Те-

перь все ясно. Дядя Таксин срочно вызывает сыновей в Сингапур, чтобы наложить лапы на Тайерсаль-парк? Эдди знал, что Ника лишили наследства и бабушка не оставит поместье ни одному из Леонгов, – они и так владеют половиной Малайзии. Значит, единственные претенденты: мальчишки Аакара, брат Алистер и он сам.

А-ма вряд ли принимала в расчет Алистера, особенно после того, как он попытался привести в их дом Китти Понг, но вот к семейству Аакара бабушка всегда питала слабость, поскольку они наполовину тайцы. Она любила тайскую кухню, тайские шелка и этих жутковатых тайских служанок – все из этой чертовой страны. Но Эдди не позволит им победить. Они живут себе роскошной королевской жизнью и в ус не дуют, снисходили разве что до коротких визитов каждые три-четыре года, тогда как Эдди старался посещать бабушку по крайней мере раз в год. Да, он был единственным, кто заслужил Тайерсаль-парк!

Адам и Пия вышли из спальни, и Эдди сразу поспешил туда: нельзя терять ни минуты *своего* времени. Кровать Суи с балдахином и изголовьем, украшенным богатой резьбой в стиле ар-нуво, заменили на одну из самых современных больничных кроватей с электронным матрасом, который постоянно перераспределял вес тела пациента для предотвращения пролежней. Если не считать кислородной трубки в носу и нескольких трубок, воткнутых в вены на руках, Суи выглядела спящей безмятежным сном под роскошными про-

стынями из лotosового шелка⁷². Рядом с ней тихо пульсировал кардиомонитор, а на экране видно было, как меняется частота сердцебиения. Эдди замер у изножья кровати, думая, не стоит ли ему немного помолиться, или что-то в этом духе. Мысль показалась немного абсурдной, так как Эдди действительно не верил в Бога, – но как же обещание, данное тетушке Виктории? Он опустился на колени рядом с бабушкой, сложив руки, но стоило ему закрыть глаза, как раздался резкий голос, который спросил на кантонском диалекте:

– Какого черта ты тут делаешь?!

Эдди открыл глаза и увидел, что бабушка пристально смотрит на него.

– Черт по... то есть я хотел сказать: ты наконец очнулась! Я тут за тебя молился!

– Ты что, сбрендил? – спросила по-кантонски бабушка. – Хоть ты-то не начинай. Я уже сыта по горло всеми желающими за меня помолиться. Пока я лежала в больнице, Виктория каждое утро подсылала этого своего епископа, чтобы он тянул нараспев свои дурацкие молитвы, а я была слишком слаба, чтобы выставить его вон.

Эдди засмеялся:

– Если хочешь, я позабочусь, чтобы епископа больше не пустили на порог.

– Уж будь так добр!

⁷² *Лotosовый шелк* – ткань, для производства которой используются эластичные внутренние волокна стебля лотоса.

– А ты уже проснулась, когда Адам и Пия заходили?

– Нет, а что, Адам тут?

– Ага, он привез с собой жену. Она хорошенькая, ну, такая, какими бывают тайки.

– А братья?

– Нет, они не приехали. Мне сказали, что Джимми слишком занят на работе. Думаю, раз он пластический хирург, у него там слишком много подтяжек лица и ринопластик на очереди.

Суи ухмыльнулась, услышав комментарий Эдди.

– А знаешь, чем Мэтти сейчас занят?

– Ну, говори.

– Он в отпуске с семьей. Катается на горных лыжах в Швейцарии! Можешь себе представить?! Я, вообще-то, тоже был в Швейцарии на очень важной конференции с самыми важными бизнесменами, слетевшимися со всего мира, политическими лидерами и даже Фарреллом, но бросил все и рванул в Сингапур, как только услышал, что ты заболела!

Эдди посмотрел на кардиомонитор и увидел, что ритм ускоряется с восьмидесяти до девяноста пяти ударов в минуту.

Суи коротко вздохнула:

– Кто еще здесь?

– Наша семья в полном составе прилетела из Гонконга. Даже Сесилия и Алистер.

– А где они?

– Сейчас в зоопарке. Фиона, Константин, Августин, Каллисте, Сесилия и Джейк. А-Ток раздобыл им ВИП-билеты на речное сафари, но к чаю они вернутся. Дядя Альфред прилетает сегодня вечером... а еще мне сказали, что Ники придет завтра.

– Ники? Из Нью-Йорка?

– Да, насколько я понял.

Суи помолчала, но Эдди видел, как цифры на кардиомониторе стремительно растут: 100... 105... 110.

– Не хочешь его видеть? – спросил Эдди.

Суи просто закрыла глаза, и одинокая слезинка скатилась по ее щеке. Эдди занервничал, посмотрев на монитор: 120... 130.

– Я тебя не виню, а-ма. Вот так явиться после того, как он положил на твои желания...

– Нет, – в конце концов сказала Суи.

Внезапно сердечный ритм подскочил до ста сорока пяти ударов, и Эдди посмотрел на нее с тревогой. Когда число ударов дошло до ста пятидесяти, кардиомонитор начал издавать пронзительный писк, и в комнату тут же ворвались профессор Уон с коллегой.

– Кардиоритм слишком быстро растет! – воскликнул второй врач. – Дефибрилляция?

– Нет, дам ей дозу дигоксина. Эдди, пожалуйста, покиньте комнату, – приказал профессор Уон, когда две медсестры бросились помогать ему.

Эдди попятился и ретировался, и тут в гостиную вошла тетя Виктория:

– Все в порядке?

– Не входи. Думаю, у бабушки еще один сердечный приступ. Я упомянул Ники, и она вышла из себя.

Виктория застонала:

– Зачем, ради всего святого, ты заикнулся про Ники?!

– Она хотела узнать, кто уже приехал и кто приедет. Одно знаю точно: а-ма не хочет видеть Ники. И чтоб ноги его в доме не было. Это последнее, что она успела мне сказать.

Джодхпур, Индия

Астрид стояла на балконе, вдыхая густой аромат, доносившийся снизу из розовых садов. С этой выигрышной точки открывался потрясающий вид на город. На востоке виднелся невероятно романтичный форт на вершине горы, а в отдалении в раннем утреннем свете сверкали ярко-синие дома, лепящиеся друг к другу, точно соты, – сердце средневекового Джодхпура. Голубой город, подумала Астрид. Она где-то слышала, что все дома здесь были окрашены в этот оттенок кобальта, потому что считалось, что он защищает от злых духов. Цвет напоминал ей о поместье Ива Сен-Лорана и Пьера Берже в Марракеше – парке Мажорель, в котором большая часть зданий также была окрашена в характерный оттенок синего; единственный дом во всем городе по указу короля разрешили выкрасить в другой оттенок – розовой охры.

Астрид растянулась в шезлонге и налила себе еще одну чашку чая из серебряного чайника ар-деко. Этот монументальный дворец построили по приказу деда нынешнего махараджи в 1929 году, он хотел дать работу людям во время великого голода, и каждая деталь сохранила оригинальный стиль ар-деко, начиная с колонн из розового песчаника в ротонде до голубых мозаичных плиток в подземном бас-

сейне, спроектированном так, чтобы махарани, супруги махараджи, могли плавать в полном уединении. Место немного напомнило Астрид Тайерсаль-парк, и на мгновение она почувствовала сильный приступ вины. Ее бабушка прикована к постели, вокруг хлопочет целая бригада врачей, а Астрид наслаждается тайным рандеву во дворце.

Ее вина немного поутихла при виде Чарли, выходящего на балкон в одних пижамных брюках. Когда это он успел так накачать мышцы? Пока они учились в Лондоне, Чарли был тощим, но теперь его длинный торс приобрел характерную треугольную форму, а пресс выглядел более накачанным, чем у любого из ее знакомых. Чарли встал позади Астрид, лежавшей в шезлонге, наклонился и поцеловал ее в шею:

– Доброе утро, красавица!

– Доброе утро! Хорошо спалось?

– Что-то не припомню никакого сна, но я уверен, что ты выспалась, – поддразнил ее Чарли, наливая себе чашку кофе из кофейника, стоявшего на стеклянной тележке с хромированными деталями. Он сделал первый глоток и протянул удовлетворенно: – Мм... Великолепный кофе?

Астрид спокойно улыбнулась:

– На самом деле, я уверена, у них здесь отличный кофе, но конкретно эти зерна привезла я. Знаю, насколько для тебя важна утренняя чашка кофе, поэтому велела смолоть именно этот. Эфиопский иргачеффе из «Верв кофе» в Лос-Анджелесе.

Чарли с благодарностью посмотрел на нее:

– Вот оно что... Решено, я похищаю тебя и не позволю тебе вернуться в Сингапур. И никуда не отпущу до конца моих дней.

– Похищай сколько хочешь, но тебе придется сражаться с моей семьей. Уверена, что папа отправит на поиски команду спецназа, если я не явлюсь к завтраку на Нассим-роуд в понедельник утром.

– Не волнуйся, я верну тебя вовремя, ты даже можешь захватить с собой большой поднос этих лепешек к столу, – сказал Чарли, откусывая от маслянистого, еще теплого слоистого индийского хлеба.

Астрид хихикнула:

– Нет-нет, это должно быть что-то малайское, иначе они заподозрят неладное. У меня такое чувство, будто я прогуливаю уроки, но я рада, что поддалась на уговоры, это мне правда было нужно.

– Ты так много времени проводишь у постели своей бабушки, разбираясь с этим вашим семейным цирком, и я подумал, что передышка не помешает.

Чарли присел на край балкона, глядя вниз на большую террасу, где человек в богато украшенном тюрбане, устроившись среди подушек, играл неторопливую мелодию на бансури. Вокруг по огромной лужайке лениво бродила стая павлинов.

– Астрид, тебе нужно посмотреть на это. Парень играет на

бамбуковой флейте в окружении павлинов!

– Да, я видела. Он был там все утро. Здесь абсолютный рай, правда? – Астрид на мгновение закрыла глаза, слушая чарующую мелодию и наслаждаясь солнечным теплом.

– погоди! Мы еще даже не высывались в город! – сказал Чарли с хитрым блеском в глазах.

Астрид улыбнулась про себя, любуясь его лукавым мальчишеским выражением лица. Что задумал Чарли? Он выглядел сейчас точно так же, как Кассиан, когда пытался скрыть секрет. Отдав должное превосходному классическому индийскому завтраку с острой яичницей-болтуньей на лепешке, куриными самосами⁷³ и свежим пудингом из манго, Чарли и Астрид вышли к парадному входу во дворец.

Пока они ждали, когда «Роллс-Ройс Фантом II» махараджи подъедет к ступеням, охранники начали осыпать Астрид комплиментами.

– Мэм, мы никогда не видели, чтобы кто-нибудь выглядел так красиво в джодпурах, – восторгались они.

Астрид застенчиво улыбнулась – на ней была белая льняная туника, заправленная в белые брюки джодпуры, только что сшитые на заказ. Но вместо ремня она продела через петли длинное бирюзовое кольцо ручной работы от Скотта Диффринта.

Чарли и Астрид в старинном кабриолете привезли в форт Мехрангарх – внушительную крепость из красного песчани-

⁷³ Самосы – жареные или печеные пирожки.

ка, расположенную на скалистом утесе в четырехстах футах над Джодхпуром. У подножия холма они перебрались в маленький джип, который быстро провез их по крутой дороге к главному входу – красивым арочным воротам, украшенным древними фресками и известным как Врата Победы. Вскоре Астрид с Чарли прогуливались рука об руку по многочисленным дворцам и музеям, связанным переходами в единый комплекс, и восхищались стенами с причудливой резьбой и просторными внутренними дворами, откуда открывался потрясающий вид на город.

– Это невероятно... – произнесла Астрид тихим голосом, когда они вошли в богато украшенную комнату, стены и потолок которой были полностью покрыты зеркальной плиткой.

– Ну не зря же этот форт называют самым красивым в Раджастане, – сказал Чарли.

Пока они осматривали зал для приемов, где все поверхности – стены, пол и потолок – были расписаны головокружительно прекрасными цветочными узорами, Астрид не удержалась от вопроса:

– Здесь так пусто. Где все туристы?

– Вообще-то, форт закрыт для посетителей, но Шиврадж открыл его специально для нас.

– Как мило с его стороны. Значит, этот форт принадлежит его семье?

– С пятнадцатого века. Это один из немногих фортов в

Индии, все еще находящийся под контролем правящей семьи, которая его построила.

– Будет ли у меня шанс поблагодарить Шивраджа лично?

– О, я забыл тебе сказать: нас пригласили в резиденцию Умайд-Бхаван сегодня вечером на ужин с его семьей.

– Круто. Интересно, имеют ли они отношение к Сингхам? Ну помнишь подругу нашей семьи Гаятри Сингх – она еще закатывает сказочные вечеринки, где демонстрирует свои драгоценности? Ее отец был махараджей одного из индийских штатов... хотя я не могу вспомнить, какого именно.

– Не исключено. Я думаю, что многие представители королевских семей Индии породнились между собой, – ответил Чарли немного рассеянно.

– У тебя все нормально? – спросила Астрид, заметив, что у него изменилось настроение.

– Да-да, я в порядке. Просто пытаюсь найти одну чудесную комнату... Думаю, тебе понравится. Мне кажется, вот сюда, вверх по лестнице.

Чарли провел ее по крутой лестнице в форме слезы, и они оказались в длинной узкой комнате с арочными окнами в каждой стене. Здесь была выставлена целая коллекция золотых детских колыбелей, одна богаче другой.

– Это детская? – спросила Астрид.

– Нет, вообще-то, это часть женской половины. Это здание называется Подглядывающим дворцом, потому что сюда приходили дамы и подсматривали, что происходит внизу во

внутреннем дворе.

– А, ну да. Супругам и наложницам короля нельзя было показываться на публике, да?

Астрид прильнула к окну с характерным карнизом в бенгальском стиле и посмотрела через прорези в виде звезд в экранированном окне. Затем она полностью распахнула ставни, открывая вид на большой мраморный внутренний двор, окруженный с трех сторон дворцовыми балконами.

– Эй, хочешь покрасить руки хной? – спросил Чарли.

– Я бы с радостью!

– Консьерж в отеле сказал, что здесь есть художница, которая рисует просто невероятные узоры хной. Думаю, она работает при сувенирной лавке музея. Схожу за ней.

– Я с тобой.

– Нет, оставайся здесь и наслаждайся чудесным видом. Я сейчас приведу ее.

– Хорошо, – кивнула Астрид, несколько озадаченная, и Чарли умчался прочь.

Она сидела на скамейке в комнате, размышляя о том, каково это – быть супругой махараджи в те времена, когда махараджа являлся единовластным правителем своего королевства. Та жизнь была полна непостижимой роскоши, однако Астрид сомневалась, что ей захотелось бы жить в гареме наряду с десятками махарани и наложниц. Как вообще можно делить с кем-то мужчину, которого любишь? И разрешалось ли женам бродить за стенами дворца или спускаться

ся в элегантный внутренний двор? Астрид услышала чей-то смех, доносящийся издали, и увидела нескольких женщин, выходящих во двор через арочный проем. Как симпатично они выглядели в красно-белых *ленга-чоли*!⁷⁴ За ними двигалась в ряд еще одна группа женщин в таких же укороченных блузах и вышитых юбках, и вскоре их собралось во дворе уже больше десятка. Танцовщицы начали движение по кругу, когда из глубины форта раздался звук барабана. Внезапно женщины образовали прямую линию прямо под Астрид. Они воздели руки в воздух, вскинули головы, глядя на нее, и начали ритмично топать ногами под бой барабана. Из арочных проемов на нижнем этаже, где стояла Астрид, выбежала дюжина молодых парней в белых одеяниях. Танцоры промчались между женщинами и встали в дальнем конце двора.

Зазвучал инди-поп, мужчины и женщины начали танцевать друг напротив друга. Вскоре из северных и южных ворот внутреннего двора высыпал еще с десятков танцовщиц в ярких сине-пурпурных сари, а музыка меж тем становилась все громче и громче.

Внезапно песня резко оборвалась, и ставни на противоположной стороне двора открылись. Там стоял человек в золотом *шервани*⁷⁵ с вышивкой. Он протянул руки к Астрид и запел на хинди. Затем музыка возобновилась, танцоры продол-

⁷⁴ *Ленга-чоли* – женская одежда, популярная в Индии и Пакистане со времен империи Великих Моголов.

⁷⁵ *Шервани* – длинное мужское полупальто или пиджак.

жали притопывать и кружиться. Астрид рассмеялась, наслаждаясь болливудским шоу, разыгранным перед ней. Должно быть, это дело рук Чарли. *Неудивительно, что он ведет себя странно, с тех пор как мы приехали сюда*, подумала она. Певец исчез из башни, а через несколько мгновений появился во дворе во главе группы музыкантов. Вся труппа танцевала в такт музыке, двигаясь удивительно слаженно. Астрид посмотрела на красивого солиста, одетого в золото, и была потрясена, поняв, что перед ней не кто-нибудь, а знаменитый Шахрух Хан, кинозвезда Индии. Прежде чем она смогла среагировать должным образом, звуки труб наполнили воздух, а затем раздался странный рев. Астрид повернулась к главной арке, и глаза ее расширились от удивления. Через ворота входил слон, украшенный драгоценными камнями и яркими розово-желтыми узорами, нарисованными на его голове, его вели двое махаутов⁷⁶

⁷⁶ *Махаут* – погонщик слона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.